

Виктор Старицын

Коммунисты - назад!

Новороссия Новосветская

Виктор Старицын
Коммунисты – назад!

«Автор»

2019

Старицын В.

Коммунисты – назад! / В. Старицын — «Автор»,
2019 — (Новороссия Новосветская)

Книга написана в жанре альтернативной истории и представляет собой фантастический боевик с элементами сатиры. В ночь на 1 июня 1939 года минный заградитель КБФ «Марти», направлявшийся после официального визита в США из Майями в Ленинград посредством неизвестного науке физического явления перенесся через Бермудский треугольник ровно на 400 лет в прошлое. Поняв, что они оказались в далеком прошлом, экипаж Марти под командованием капитана 1-го ранга Мещерского и находящаяся на его борту делегация ВКП(б), принимают решение основать на Карибах Коммунистическую республику Камчатка, имея конечной целью мировую пролетарскую революцию и построение коммунизма на всем Земном шаре. Руководитель делегации ВКП(б), старый большевик Круминьш, при поддержке начальника особого отдела экспедиции майора НКВД Ягодина, опасаясь чрезмерного усиления Мещерского, обвиняет его в контрреволюционной деятельности и арестовывает. Конец первой книги.

© Старицын В., 2019

© Автор, 2019

Виктор Старицын Коммунисты – назад!

Бермудский треугольник.

Старпом капитан второго ранга Звягинцев глядел вперед. Из темноты ходовой рубки прямо по курсу на гладкой поверхности океана отчетливо просматривался слабо светящийся голубоватым светом постепенно расширяющийся круг. Старпому уже приходилось видеть такие круги. Дело в тропических широтах довольно обычное. Наука объясняет это явление флюоресценцией планктона. Шедший четырнадцатизловым ходом минный заградитель должен был пересечь границу круга минут через пять – семь.

Когда до круга оставалось с полмили, яркость его резко возросла и над ним неожиданно возникла светящаяся полусфера, переливающаяся разными красками, подобно полярному сиянию. Радиус круга и сферы начал быстро увеличиваться. Такого старпому видеть не доводилось. Рука потянулась к телефонному аппарату – вызвать в рубку командира, но остановилась на полдороге. Пока капитан проснется, оденется и дойдет в рубку, корабль уже будет в круге.

– Шелихов, ты это видишь? – осведомился Звягинцев у рулевого.

– Вижу, пузырь какой-то светится, – ответил рулевой.

– Что – то электрическое, типа огней святого Эльма, наверное, – встрял в разговор вахтенный штурман лейтенант Прядильщиков, – может, отвернем, на всякий случай?

– Все равно в пузырь войдем, радиуса не хватит, – ответил старпом.

– Так держать, – обратился он к рулевому. Командира Звягинцев решил не будить. Мало ли какие атмосферные явления в океане бывают. Придет командир, а пузырь потухнет. И что?

Бак корабля между тем вошел в «пузырь». Светящийся полог быстро прошел по кораблю от бака да кормы. Сначала ничего не произошло. Затем все вокруг накрыло густым молочным туманом. Из вида пропал даже сигнальный фонарь на баке. Вот это для штилевой погоды в тропиках уже было совсем не типично. Звягинцев перевел ручку машинного телеграфа на малый ход, включил всё наружное освещение и все-таки позвонил командиру.

Каперанг Мещерский, высокий подтянутый сорокапятилетний моряк, появился в рубке через четыре минуты, и как раз успел застать окончание тумана. Секунд через пятнадцать после его появления в рубке туман пропал. Звягинцев доложил о происшествии. Вдвоем вышли на левое крыло мостика и посмотрели за корму. На поверхности ночного океана не наблюдалось ничего. Мещерский отнесся к происшествию серьезно. Вызвал командиров БЧ-4 и БЧ-5. Стармех каплей Востриков, запросив доклады с постов, вскоре доложил, что все электрооборудование корабля работает штатно.

Начальник связи старлей Семенихин доложил, что произошел сбой в работе радиооборудования: радист перестал принимать все радиостанции, и флотские и радиовещательные.

– Видимо, это все же было электрическое атмосферное явление, раз все радиоприемники накрылись, – сделал вывод командир корабля, – Семенихин, подымай всех своих, отлаживайте срочно радиосвязь. Как отладишь, доложишь. Востриков, ты еще раз свое хозяйство проверь. Если на радиооборудование повлияло, могло и электрику повредить! Ход экономический. Я пошел досыпать, время полтретьего.

Старпом сделал запись о происшествии в вахтенном журнале. Штурман выдал ему координаты. Корабль находился в ста пятидесяти милях юго-западнее Бермудских островов.

Мещерский проспал до побудки. Никто его не разбудил. Поднявшись и умывшись, прошел в рубку. Спросил у стоявшего вахту командира БЧ-2 каптри Сокольского:

– Что радисты докладывают?

– Непонятная штука, Николай Иосифович! Орлы Семенихина всю ночь землю носом рыли, все до последнего сопротивления проверили. Вся аппаратура работает, а связи ни с кем нет. И даже радиовещательные приемники ничего не ловят. Ни на длинных, ни на средних, ни на коротких волнах. Пробовали с корабельного передатчика давать сигнал в гражданских диапазонах. Приемники сигнал ловят без проблем. Атмосферные помехи тоже ловятся.

– Давай сюда Семенихина.

Подошедший взмыленный старлей повторил доклад Сокольского и поклялся, что вся радиоаппаратура работает. После ночного инцидента во включенных приемниках пришлось заменить конденсаторы во входных каскадах, и все. Других повреждений не выявлено. Выключенные приемники не пострадали. Передатчики тоже.

– Ну, мастера – ломастера, черт бы вас побрал, – выругался обычно корректный каперанг. – Сейчас я вам устрою проверку.

– Стоп, машина, – приказал он Сокольскому. – Спускайте большой катер. Коротковолновая рация на нем есть. Поставьте на него еще и радиовещательный приемник. Семенихин, давай на катер. Отойти на пару миль, будем проверять связь с катером. Потный и растрепанный Семенихин умчался к катеру.

Через час катер вернулся. Связь работала как часы. На всех проверенных диапазонах.

Мещерский приказал вахтенному начальнику пригласить в кают-компанию руководство экспедиции и накрыть там утренний чай.

Минный заградитель «Марти», введенный в строй в 1938 году, был переоборудован из бывшей императорской яхты «Штандарт» и сохранил в интерьере кают компании многое от яхты. Обшивка стен вишневыми панелями, бронзовые бра и картины на стенах, отреставрированная мебель сделали бы честь любому аристократическому салону, в которых командиру минного заградителя капитану первого ранга РККФ СССР, бывшему князю и офицеру императорского военного флота, в свое время приходилось бывать.

Минут через пятнадцать в кают-компанию собрался весь комсостав экспедиции: начальник экспедиции заместитель заведующего сектором США международного отдела ЦК ВКП(б) Валдис Леонардович Круминыш, зам начальника по военно-морским делам каперанг Железнов Карп Акинфеевич, зам начальника по торговым делам Зильберман Самуил Исаакович, зам по профсоюзным делам начальник отдела ВЦСПС Болотников Петр Ильич, начальник особого отдела экспедиции майор НКВД Ягодин Марк Львович, ну и сам хозяин кают-компания.

Командир корабля доложил высокому собранию о ночном инциденте и отсутствии радиосвязи.

– И как вы можете объяснить отсутствие радиосвязи, если вся аппаратура, как вы утверждаете, исправна? – Вопросил Круминыш, сановного вида невысокий полноватый лысый мужчина.

– Точного ответа не имею, – ответил Мещерский, – мои специалисты предполагают, что под воздействием ночного инцидента корпус корабля приобрел какие-то свойства, которые ослабляют радиоволны. Поэтому на близком расстоянии связь есть, а на дальних расстояниях связь отсутствует. Но, это явление науке неизвестно.

– И что вы предлагаете, в связи с этим? – Снова спросил начальник экспедиции.

– Поскольку без радиосвязи идти через океан опасно, предлагаю зайти в Нью-Йорк, в военно-морскую базу, в которой мы были, надеюсь, там помогут отремонтировать связь. Нам все равно по пути.

Железнов, Болотников и Ягодин возражали, что негоже советским морякам просить помощи у капиталистов. Зильберман, напротив, поддержал капитана, заявив, что безопасная доставка важного груза, стоящего больших денег, важнее мелко понимаемого престижа. Тем более, что экспедиция столкнулась с доселе неизвестным природным явлением.

Круминыш, которому совершенно не улыбалось после успешного решения экспедицией всех поставленных задач, нарваться на неприятности из-за чьего-то глупого гонора, решил идти в Нью-Йорк.

Экспедиция «Марти».

Дружественный визит легкого крейсера ВМФ США «Хьюстон» в Ленинград осенью 1938 года, долженствовавший подтвердить высокий уровень дипломатических и торговых связей между СССР и США, поставил перед наркомом РККФ Кузнецовым сложную задачу. Предстояло нанести ответный визит и не ударить при этом лицом в грязь.

Единственный корабль Балтийского флота подобного класса – легкий крейсер «Киров» был только что принят в боевой состав флота. Эксплуатация выявила многочисленные недостатки и конструктивные просчеты, недостаточную надежность механизмов. Посылать недоукомплектованный до ума корабль в трансатлантический переход было просто опасно. Если и доплывет, то в США его придется ремонтировать, а это удар по престижу страны. Времена были суровые. Всем причастным к такому афронту грозила неизбежная отсидка с длительным сроком, а то и высшая мера. Посылать с Черного моря старые крейсера еще царской постройки было зазорно для молодого пролетарского государства.

Так что, свет клином сошелся на одном единственном корабле – минном заградителе «Марти», названном в честь французского революционера, секретаря Киминтерна Андре Марти. Переоборудованный из бывшей императорской яхты «Штандарт», корабль получился неожиданно удачным, по совокупности характеристик одним из лучших в мире в своем классе. Да и по артиллерийскому вооружению он был близок к легкому крейсеру, хотя и не имел бронирования*. К тому же, назначенный его командиром бывший офицер царского флота капранг Мещерский за год вывел его на первое место в Балтфлоте по боевой и политической подготовке экипажа. Капитально отремонтированные старые механизмы корабля работали вполне надежно.

Решено было с ответным визитом в США направить минный заградитель. Естественно, тащить за океан и обратно три с половиной сотни морских мин общим весом полтысячи тонн было глупо, да и небезопасно. Поэтому, минные трюмы корабля оказались пустыми. Да и личный состав минной БЧ-3 катать за океан тоже необходимости не было. Сорок краснофлотцев остались в Кронштадте.

Однако, боекомплект для артиллерии загрузили полностью. Международная обстановка расслабляться не позволяла.

Наркомат иностранных дел решил попутно направить на корабле за океан на конгресс профессиональных союзов США делегацию советских профсоюзов. Наркомат внешней торговли запросил в ЦК ВКП(б) санкцию на загрузку корабля попутными грузами и получил её. Так что, вместо военно-морского визита получилась целая многоцелевая экспедиция, что потребовало соответствующего усиления руководства. Возглавил экспедицию ответственный работник ЦК Круминыш с заместителями по направлениям работы. Поскольку бывшему князю и царскому офицеру партия не слишком доверяла, для контроля и надзора за командиром корабля был назначен и заместитель руководителя экспедиции по военно-морской части, бывший красный матрос, участник штурма Зимнего, а ныне капранг Железнов, направленный в США проинспектировать аппарат военно-морского атташе в посольстве.

Наркомвнешторг подошел к делу ответственно, сформировал торгово-закупочную группу из ответственных работников наркомата, которые должны были реализовать в США четыреста тонн льняного полотна и партию предметов антиквариата из фондов Гохрана, а на вырученные деньги закупить оборудование для ремонтно-механического завода автомобиль-

ной специализации. Впрочем, большая часть контрактов уже была предварительно согласована торгпредством в США.

Не остался в стороне и наркомат внутренних дел. Для охраны ценного груза и надзора за моряками в иностранных портах был откомандирован полувзвод конвойных войск НКВД во главе аж с целым майором и двумя лейтенантами.

Экспедиция пробыла две недели на военно-морской базе в Нью-Йорке, командиры и экипаж встречались с американскими военными моряками, посещали боевые корабли. На «Марти» был открыт доступ и рядовым гражданам. Торговая миссия без проблем сбывала партию льняного полотна. Гигиеничное льняное постельное белье входило в моду. Больше было хлопот с раритетами Гохрана: золотой и серебряной утварью, ювелирными украшениями, предметами искусства. Справились и с этим. Большую часть оптом продали американскому миллиардеру и коллекционеру Зоросу. Небольшую непроданную часть оставили на реализацию работникам торгпредства в Нью-Йорке. В трюмы загрузили станочный парк ремонтно-механического завода. Денег на него хватило с избытком.

Экипаж отпускали на берег. Группами по десять краснофлотцев с командиром во главе и в сопровождении бойца конвойного полувзвода. Валюты на руки им выдавали только на бутылочку кока-колы и сэндвич. Однако, не обошлось без происшествий. Краснофлотцы Зюскинд и Либерман вынесли с корабля купленных в Ленинграде матрешек и умудрились незаметно продать их местным. Их коммерческую деятельность засек боец Коновалов и ухитрился взять с поличным, когда они выходили из магазина, купив по фотоаппарату. Коммерсантов посадили на сутки на гауптвахту и дали по пять нарядов вне очереди. Фотоаппараты конфисковали. Командиров отпускали в город группами по трое. Валюты – на бутылку виски. Однако, большинство покупали сувениры. Особой популярностью пользовались бензиновые зажигалки в виде револьвера и наручные часы.

Затем корабль перешел в порт Майами, где проходил профсоюзный конгресс. Делегаты работали на конгрессе, экипаж принимал на борту американских профсоюзных деятелей и рядовых граждан. На берег краснофлотцев не отпускали. От соблазнов буржуазного курортного города их следовало держать подальше. Руководство экспедиции не жилось на песчаных пляжах курорта, вечерами посещало рестораны. Надо же было большевикам вникнуть во все неприглядные стороны американской действительности. Член профсоюзной делегации, коммунист Ленинского призыва, токарь Еремеев на банкете после завершения конгресса изрядно перебрал и подрался с американским профсоюзником. Получил от Круминьша трое суток ареста для протрезвления. К 20 мая все задачи были успешно решены. Корабль вышел из порта и взял курс на Кронштадт.

Примечание. Орудия главного калибра и универсальные орудия были установлены на поворотных тумбах и прикрыты противоосколочными щитами сложной формы, также закрепленными на тумбах, и вращавшихся вместе с орудиями. Щит прикрывал расчет орудия со всех сторон, кроме задней, и состоял из броневых листов, закрепленных на каркасе. Со стороны щит выглядел как орудийная башня.

Боевая рубка корабля имела броню толщиной 12 мм. Другого бронирования Марти не имел.

2. Нью-Йорк.

Четыреста миль до Нью-Йорка прошли за сутки с небольшим. Океан был ласков. Солнце, небольшой ветерок, волнение 1 – 2 балла. Удивляло отсутствие встречных судов. Ни одного за сутки! Для этой зоны, примыкающей к крупнейшему морскому порту США с огромным грузооборотом – исключительный случай!

Наконец впереди показался берег. Однако, в бинокли не просматривалось ни статуи Свободы, ни небоскребов Сити. Мещерский приказал застопорить ход и проверить счисление.

Штурмана поколдовали с навигационными приборами и сообщили, что вывели корабль точно к входу в Лоуэр-бэй. Все были в полном недоумении. Командир приказал идти в залив малым ходом. Вскоре поравнялись с островком, на котором должна была стоять статуя. Её не было!! Более того, весь наблюдаемый берег был абсолютно пустынным.

Самым малым ходом двинулись вглубь залива к своему причалу, у которого швартовались неделю назад. Причала на месте тоже не стало!!! Мещерский приказал застопорить ход и отдать якорь. В кают-компании снова собрался весь комсостав с участием командиров боевых частей. Круминыш долго пытал командира штурманской БЧ каплея Веденева, обвиняя его в безграмотности. Ягодин сразу заявил о вредительстве, порывался вызвать караул и посадить Веденева под арест. Мещерский взял штурманскую БЧ под защиту. В конце концов, Мещерский самолично произвел счисление и подтвердил правоту Веденева. Железнов тоже участвовал, делая умное лицо и периодически кивая. Штурмана про себя сделали вывод, что в навигации каперанг понимал мало. Препираться дальше было бессмысленно, решили спустить катер и осмотреться на берегу.

Командовать высадкой вызвался сам майор НКВД Ягодин. На катер, кроме экипажа, посадили десяток бойцов НКВД с младшим лейтенантом Степиным при ручном пулемете. Катер застучал паровым двигателем и направился к берегу. Руководство следило за ним в бинокли. До берега было метров пятьсот. С приткнувшегося к песчаному пляжу катера прыгнули бойцы и по пояс в воде, держа винтовки над головой, побрели к берегу. Затем двумя группами разошлись в стороны. За пляжем сплошной стеной стоял густой лес. Ягодин и расчет пулемета остался на катере, примостив пулемет на крыше рубки. Вскоре обе группы вернулись к катеру. Ягодин передал по радиации, что на берегу обнаружено свежее кострище и от него тропинка в лес.

Шестеро бойцов с лейтенантом, держа наперевес винтовки, вошли в лес. Едва последний боец скрылся из вида, как в лесу затрещали выстрелы. Короткими очередями били автоматические винтовки АВС-36, которыми были вооружены бойцы. Почти тут же из зарослей на пляж вывалились бойцы. Одного несли двое других, закинув руки на плечи. Впрочем, ноги он переставлял сам. Бойцы загрузились на катер, сразу отчаливший от берега.

Врач и санитары с носилками побежали к шлюпбалкам, на которые должны были принять катер. Минут через десять катер подняли. У раненого бойца из груди торчала длинная деревянная стрела с оперением. Такая же стрела засела в плече у лейтенанта, на половину своей длины пробив трицепс. Крови было много. Бойца унесли в лазарет на носилках, лейтенант пошел сам. Ягодин сообщил, что в лесу бойцов обстреляли стрелами, видимо из луков. Причем, нападавших никто не видел.

За время стоянки Мещерский и Веденев еще раз сверили очертания наблюдаемых берегов с картой и лодией. Сомнений не оставалось. Это был именно тот самый залив. Но, города и порта в нем не было!

После возвращения разведгруппы Круминыш с Ягодиным снова обвинили штурманов во вредительстве, поскольку города и порта на берегу не имелось. Веденев высказал предположение, что ошибку в счислении координат могла вызвать ошибка в расчетном времени. В случае, если корабль пробыл в пузыре не несколько минут, как всем показалось, а несколько дней. В этом случае вычисленные координаты будут не соответствовать фактическим. Мещерский возразил, что закат и рассвет наступили точно в расчетное время. Кроме того, сверив часы, все присутствовавшие установили, что у всех на часах время совпадает с точностью до минут. Впрочем, задержка времени ровно на сутки или ровно на несколько суток на наблюдаемое время рассвета и заката почти не повлияет.

Подошедший из лазарета начмед Васюнин сообщил, что провел раненым две операции, опасности для их жизни нет, и предъявил две стрелы. Обе имели медные листовидные наконечники и хвостовики из птичьих перьев. Все начальники весьма озадачились. Если бы это

были какие-то бандиты из местных индейцев, то уж наконецники стрел были бы наверняка железными.

Веденев, подумав, предложил обследовать побережье к югу от их теперешнего положения. Если они находятся в заливе Нью-Йорка, то там должны быть вполне узнаваемые ориентиры: большой остров характерных очертаний, отделенный от материка узким проливом. Ввиду отсутствия альтернатив, предложение приняли. Мещерский загнал в воронье гнездо на фок-мачте двух сигнальщиков с биноклями, приказав сменять их каждый час. Сигнальщики должны были сообщать о любых судах или любых признаках жилья. До конца дня шли самым малым ходом вдоль острова, проводя топосъемку берега. К концу дня сомнения отпали. Они в Нью-Йорке, но города на месте нет! Это вынужден был признать даже Круминыш. Как такое могло случиться, спорили весь вечер до хрипоты, но, ни к какому мнению не пришли. На ночевку остались на якоре в двух милях от берега. Ночью в трех местах на берегу вахтенные заметили огни костров.

С утра решили продолжить обследование берега, поскольку крохотная надежда на навигационную ошибку кое у кого еще оставалась. Около полудня сигнальщик закричал, что наблюдает в море парус. Мещерский тут же дал полный ход и Марти пошел на пересечку. Через полчаса парус увидели и с мостика. Вскоре все рассматривали в бинокли трехмачтовый парусник, шедший навстречу под всеми парусами. Вскоре стал очевиден архаичный вид судна. Мещерский осведомился у присутствующих на мостике командиров боевых частей:

– Кто-нибудь может определить тип парусника? А то я очень давно курс истории кораблестроения проходил. Выручил начарт Сокольский:

– У меня лейтенант Мякишев – энтузиаст парусного флота, все картинки из журналов вырезает и собирает, и в свободное время модельки из бумаги клеит.

– Давай сюда Мякишева!

Прибежавшему лейтенанту вручили бинокль. Парусник был уже в трех – четырех милях и в бинокль был виден в деталях. Минуты через две Мякишев опустил бинокль и сказал:

– Похож на испанский галеон 16-го века. На таких во времена Колумба и Магеллана плавали.

Вскоре, Марти уже огибал парусник на удалении двух миль. Все внимательно разглядывали раритет в бинокли. Мякишев продолжил:

– Водоизмещение 400 – 500 тонн, на них стояло обычно до 50 пушек. Насколько могу судить, очень точная копия. Видимо, какой-то богатый капиталист себе заказал копию галеона в натуральную величину в качестве прогулочной яхты. Вон даже оружейные порты открыты и в них пушки видны.

– А какая дальноточность была у пушек? – спросил Мещерский.

– Ну, тогдашние пушки стреляли на 5 – 6 кабельтовых максимум, ответил лейтенант.

По приказу командира Марти описал полукруг и вышел на параллельный с галеоном курс, выровняв скорость, на удалении полутора миль. На корме парусника развевался флаг, который моряки опознать не смогли. На палубе просматривалась толпа людей непонятного вида. На высоком юте у штурвала располагалась группа лиц, вырядившихся, как петухи. Даже шляпы с перьями.

– Похоже, у них там карнавал, – сделал вывод командир.

– Дайте флажный семафор: «Назовите себя и пункт назначения». Сигнальщик на левом крыле мостика замахал флажками. Расфуфыренные лица у штурвала проявили какую-то активность, но ответного сигнала не последовало.

– Дайте тот же сигнал ратьером, – приказал Мещерский. Краснофлотец защелкал шторками сигнального прожектора. В ответ у борта парусника вспух клуб черного дыма, немного погодя дымом окутался весь борт. Затем долетел грохот выстрела и залпа. На полдистанции между Марти и парусником встали всплески падения снарядов.

– Они что там, перепились что ли, и решили салют устроить? – возмутился Круминыш. Парусник между тем лег в правый поворот и двинулся на пересечку кораблю.

– Похоже, они хотят сблизиться и дать залп другим бортом, – предположил Сокольский. Мещерский приказал увеличить ход, дать лево руля и сблизиться до мили.

– Все равно не добьют. А мы на них поближе посмотрим. – Марти обрезал нос паруснику и вышел на встречный курс, расходясь левым бортом.

Парусник повернул влево, стремясь повернуться к Марти другим бортом. Марти продолжал кружить вокруг парусника, держа того по левому борту. Теперь Марти оказался прямо по курсу галеона. Парусник повернул вправо и дал залп левым бортом. Опять недолет, но значительно ближе. Одно ядро рикошетировало от поверхности воды и вскользь гулко ударило в борт.

– Доложить о повреждениях! – скомандовал Мещерский старпому. Через тройку минут тот доложил:

– Повреждений нет, но в борту вмятина.

– Товарищ начальник экспедиции! Мы атакованы неопознанным кораблем! Разрешите открыть огонь с целью остановить противника! – официально обратился Мещерский к Круминышу.

– Действуйте! Только поаккуратней! И постарайтесь ничего ему не поломать, только международного скандала нам не хватало.

– Постараемся ничего ему не повредить. Боевая тревога!

По палубам корабля раздался дробный топот моряков, занимающих боевые посты. Элеваторы подали снаряды из погребов. Орудия повернулись на цель.

Марти описал циркуляцию и пристроился за кормой парусника. Тот дал залп еще и из двух кормовых пушек. Опять недолетом. Мещерский посоветовался с начартом. Решили сначала дать предупредительные выстрелы универсальным калибром, а если не остановятся, сбить рангоут из зенитных сорокопяток. Корабль ускорился и вышел на левый борт парусника на дистанции одной мили. Дали два выстрела из трехдюймовок в воду по курсу парусника. Тот не среагировал. Тогда из сорокапяток бронебойными снарядами, чтобы, не дай бог, не зацепить кого-нибудь осколками, обстреляли грот мачту. Некоторые снаряды порвали тросы, один переломил рею. На паруснике засуетились, но паруса не спустили.

– Ну, хватит с ними цацкаться! Валдис Леонардович, разрешите свалить им мачту! – Снова обратился командир к начальнику экспедиции.

– Ну, что же с ними поделаешь! Валите!

На этот раз сорокапятки отстрелялись осколочными. Один из снарядов попал в грот-мачту и перебил её примерно посередине. Верхушка мачты вместе с парусом рухнула в воду, сыграв роль плавучего якоря. Галеон развернулся и встал. Его экипаж рассыпался по вантам, спуская паруса. При оборванном такелаже они могли сломать обе оставшиеся мачты.

– Предлагаю выслать катер и потребовать к нам на борт капитана с судовыми документами, надеюсь, что-нибудь прояснится, – обратился к Круминышу Мещерский.

– Согласен, – сановно кивнул начальник.

– Александр Васильевич! Спускайте катер! – приказал командир старпому. – Возьмите с собой трех бойцов с пулеметом и всех переводчиков, кого найдете, с английского, испанского, французского, немецкого и даже папуасского, если найдется. Объявите насчет переводчиков по громкой связи: все, кто хорошо владеет иностранными языками, срочно на палубу.

– Николай Иосифович! – обратился к командиру Зильберман. – Мои сотрудники знают испанский, немецкий, французский и само собой – английский.

– Вот и хорошо, Самуил Исаакович! Вас попрошу, проконтролируйте лично, по одному переводчику с каждого языка на катере, чтобы были! Пока не ясно, на каком языке будем переговоры вести.

Вокруг катера снова началась суета. Прозвучали объявления по громкой связи. Минут через десять катер отвалил от борта.

– Сокольский! Мой приказ БЧ-2: когда катер будет на полпути, положите по два фугасных снаряда главного калибра по обоим бортам парусника, поближе к бортам, но не зацепите его. Что бы, не вздумали палить по катеру.

Сокольский продублировал команду на баковые орудия.

Стотридцатимиллиметровки четыре раза грохнули, изрядно оглушив всех находившихся на мостике. Вдоль бортов галеона встали могучие столбы воды, высотой почти с его мачты. В открытые пушечные порты мощно плеснула поднятая разрывами волна. Галеон сильно закачал. На палубе парусника засуетились. Демонстрация силы была впечатляющей. Это вовсе не хилые всплески от падающих в воду ядер.

Подойдя к галеону на полкабельтова, с катера заговорили в рупор. Слов на расстоянии было не разобрать. С галеона что-то отвечали. Разговаривали минут десять. Затем с парусника спустили гребную шлюпку, в которую спустился один из павлинистых господ. Старпом сообщил по рации с катера, что на паруснике говорят на искаженном испанском, но понять их можно. Шлюпка подгребла к катеру, ее взяли на буксир и повели к кораблю. Лежавший на крыше рубки катера пулеметчик контролировал поведение экипажа шлюпки. Тем временем с корабля спустили трап, к которому и подошел катер. К борту катера подтянули шлюпку. Все, кроме гребцов в шлюпке, пулеметчиков и экипажа катера поднялись на борт. Комсостав экспедиции с большим интересом рассматривал вырядившегося попугаем господина с толстым журналом в руке. На поясе у него висела шпага самого антикварного вида. Павлин имел вид растерянный и, одновременно, наглый.

Подойдя к группе комсостава, павлин сделал реверанс, замысловатым движением подмел шляпой с перьями пол и что-то долго говорил, безошибочно адресуясь к стоящему в центре Круминышу. Сотрудник торгпредства Ягудин перевел:

– Кабальеро дон Истебан де Фуэнтес капитан галеона Святая Изабелла приветствует Вас. Он спрашивает, на каком основании вы атаковали корабль флота короля Испании Карла V. Титулы короля я опустил.

Круминыш решил перестраховаться, и предложил каперангу:

– Поговорите Вы с ним, Николай Иосифович, а я пока послушаю.

– Спросите: почему вы первыми открыли по нам огонь из пушек? Спросите: из какого порта и когда вышел корабль?

– Нет, это вы сначала быстро и часто стреляли в нас из какого-то орудия. Мы вышли из порта Сан-Хуан на острове Пуэрто-Рико по приказу губернатора Антильских островов для обследования побережья Америки. Из Сан-Хуана вышли 15 апреля 1539 года. Про дату и год я дважды переспросил, уточнил переводчик

– Это была не пушка, а всего лишь сигнальный фонарь. Мы подавали вам сигналы этим фонарем, предлагая остановиться для переговоров. Поскольку вы не подчинились, пришлось сбить вам мачту. Я надеюсь, вы поняли, что мы из своих орудий можем утопить ваш корабль за несколько секунд, а ваши пушки до нас просто не достанут. А какое сегодня точно число? А то мы долго плаваем и хотим свериться.

– Сегодня 1 июня 1539 года от Рождества Христова. Я крайне огорчен, что мы приняли ваши яркие сигналы за выстрелы и открыли огонь. Мы просто не могли предположить, насколько огромен ваш корабль, поэтому думали, что он гораздо меньше и гораздо ближе. Только по недолетам мы примерно оценили расстояние до вашего корабля и его размеры, но он все равно превосходит всякое воображение. Точно оценив размеры вашего корабля, мы бы сразу предпочли переговоры. Приношу Вам свои извинения. Он просит представиться и спрашивает, откуда мы.

– Скажите, что мы ответим на все вопросы, но только позже. А сейчас пройдемте в кают-компанию. Испанец приободрился. Все это время, он, не переставая, озирался с изумленным видом.

В кают-компанию уже накрыли чай и кофе со сладкими булочками. Мещерский предложил испанскому капитану угоститься, а сам попросил просмотреть судовой журнал. Журнал передал для изучения Ягудину. Пока дон Истебан, понявший, что сразу свежевать и есть его не будут, пробовал булочки, Ягудин пролистал журнал и прокомментировал:

– Журнал за 1538 и 1539 год, записи ежедневные. Язык испанский, устаревший, правописание не современное. За сегодня две записи с датой 1-е июня 1539 года: об обнаружении нашего корабля и об открытии огня по нам. Больше ничего записать не успели.

Круминыш хранил загадочное молчание.

– Валдис Леонардович! Предлагаю оставить с испанцем старшего помощника Звягинцева, капитана первого ранга Железнова и майора Ягодина. Пусть они попытают его об обстановке в Европе и Америке, а особенно на островах Карибского моря. А мы с остальными пойдем в рубку, подумаем, что нам со всем этим делать.

– А я все же думаю, что это какие-то клоуны ряженные, нам всем головы морочат.

– Ну что Вы, Валдис Леонардович, вы же видите, как всё сходится один к одному. После ночного инцидента ни одной радиостанции не слышно, связаться мы ни с кем не можем, ни одного корабля в море после инцидента мы не встретили. На месте Нью-Йорка ни одного строения, ни одной живой души не видно. Наконец, старинный галеон с настоящим доном, говорящем на древнем испанском и бортовой журнал галеона на нем же. Ну и стрелки из луков в кустах, ко всему прочему.

– И что все это значит, по Вашему?

– Читал я в юности роман фантаста Уэлса, «Машина времени» назывался. Там герой изобрел машину перемещения во времени и путешествовал на ней в прошлое и будущее. Вот и мы, похоже, попали в такую машину времени. Тот пузырь перенес наш корабль ровно на 400 лет в прошлое, в тот же день календаря, с учетом того, что здесь и сейчас в ходу юлианский календарь.

– Ну, это Вы какую-то сказку придумали! Что за чушь!

– Тогда объясните все последние события по-другому. Мне другое объяснение на ум не приходит.

– Ну, хорошо, пусть Железнов, Ягодин и Звягинцев с испанцем разговаривают, а остальной комсостав экспедиции, пошли в рубку. Сами пока не называйтесь, про нас ничего не говорите, – дал ЦУ Круминыш остающимся.

– Командиры боевых частей и служб корабля – тоже в рубку, – добавил Мещерский. Круминыш покосился на него, но не возразил.

Перечисленные товарищи двинулись в ходовую рубку. В рубке устроились стоя вокруг стола с навигационной картой.

– Считаю, всё это происки американских капиталистов против нашей экспедиции военного флота Союза Советских Социалистических республик, – сходу рубанул Круминыш.

– Или провокация английской разведки, – поддакнул корабельный особист Замилацкий.

– Или это подстава франкистского испанского режима против СССР, – внес свою лепту замполит Лифшиц.

Мещерский сообразил, что с позиции этих товарищей ему не сбить.

– Хорошо! Тогда давайте не будем искать объяснения этим событиям, а будем думать, что делать дальше. Веденев! Сколько у нас топлива?

– От Майами мы прошли 840 миль. Запас хода на четырнадцать узлов – 1300 миль. По плану похода заправка в порту Сен-Пьер в Канаде.

– Ну так вот, товарищи начальники и командиры, в заливе Нью-Йорка мы города не обнаружили. А если и в порту Сен-Пьер мы ничего не найдем, в том числе и топлива? А ведь, похоже, что так и будет! Если в Нью-Йорке нам такую провокацию устроили, так и в Сен-Пьере устроят! Что дальше делать будем? Пойдем в леса с индейцами воевать? Не сдюжим. Патронов у нас не хватит. Всего 80 000 патронов на 4 пулемета.

– А Ваше предложение какое? – буркнул главный начальник.

– Штурман! Хватит у нас горючки дойти до Тринидада?

Веденев достал крупномасштабную карту, развернул ее, прикинул по карте штурманской линейкой.

– До Тринидада 2400 миль. Дойти можем, но только экономическим ходом. Надо поточнее посчитать. Я понял Вас, Николай Иосифович. На Тринидаде есть мелкозалегающие нефтяные месторождения. Даже поверхностные битумные и асфальтовые озера. Там сможем пополнить горючее.

– Все так. Попутно зайдем в Сан-Хуан. Посмотрим, что там за испанский губернатор объявился. Может, кто-то вспомнит нефтяные месторождения у побережья ближе, чем в Тринидаде. Нужно опросить всю команду и членов экспедиции.

– А мы перекопаем корабельную библиотеку. Там были книги по экономической географии, – дополнил Веденев.

– Если кто из присутствующих придумает другой выход, сразу будем обсуждать, – закончил капитан.

– Ну, пусть будет так... – протянул главный начальник. – А что сделаем с испанцем и с галеоном?

– Неприятности с испанцами нам не нужны. Предлагаю галеон отбуксировать в нью-йоркскую бухту, пусть ремонтируются. Капитана, пока идет буксировка, еще поспрашиваем. Надо подробно выяснить, что творится на всех островах Карибского моря и на материковом побережье. А ему скажем, что мы из Японии, пришли через пролив Магеллана вокруг Америки. Если здесь действительно 1539 год, то Магеллан уже вокруг света обошел, но Япония еще не открыта. Или скажем, что мы с Камчатки, может про Японию они уже что-то слышали от китайцев.

– А почему не сказать, что мы из СССР? – осведомился Круминыш.

– Так ведь, если здесь 1539 год, то СССР еще нет. И Российской империи тоже еще нет. И даже Московского царства еще нет, а есть только Великое Московское княжество. Да и знают про него испанцы. Насколько я помню из истории, на московском престоле в это время был малолетний Иван 4. Будущий Грозный. А правили за него бояре.

– Ну, пусть будет Камчатка! Все же, Камчатка – часть СССР. Идите Николай Иосифович, организуйте с испанским капитаном буксировку, а потом мы его еще поспрашиваем.

Заявившись в кают-компанию, Мещерский представился капитаном корабля военного флота королевства Камчатка, находящегося на севере Тихого океана, прибывшего в Атлантический океан с исследовательскими целями. Затем предложил отбуксировать галеон в бухту, пока не дай бог, шторм не приключился. Дон Истебан предложение с благодарностью принял. Мещерский предложил ему написать письмо губернатору с рекомендацией и благодарностью за буксировку. Дон Истебан принял и это, но попросил показать ему корабль.

Мещерский прошел с ним по верхней палубе, показал орудийные башни и сигнальный прожектор, так напугавший испанцев. Движение корабля без парусов объяснил сжиганием угля в топках и энергией пара. Везде постукивавший по всему костяшками пальцев испанец в конце концов спросил:

– А ваш корабль, он что, весь из железа?

После утвердительного ответа имел вид совершенно ошеломленный. Договорились, что организовав буксировку, Дон Истебан вернется на Марти и останется на борту до постановки галеона на якорь в бухте.

Марти развернулся кормой к галеону. Затем испанец спустился в шлюпку, на нее с борта корабля завели тонкий длинный линь, шлюпку прицепили к катеру, который довел ее почти до галеона. Марти самым малым ходом подрабатывал машиной следом за катером. Взобравшись на галеон, дон Истебан организовал передачу на борт Марти буксирного каната и обрубку канатов упавшей в воду мачты, затем перешел на катер и вернулся на Марти. Буксировка началась. Через три часа галеон встал на якорь в хорошо закрытой от океанской волны нью-йоркской бухте. Все это время Мещерский с переводчиком опрашивали Истебана, по поводу испанских портов и поселений на островах и на материке. Затем испанца отправили на галеон.

Пока Мещерский пытал испанца, штурмана рассчитывали курс на Тринидад, а старпом занимался буксировкой, Круминыш собрал у себя в каюте руководство экспедиции. Собственно, каюта была старпомом, но на время экспедиции его переселили к главному штурману. Точно также попарно уплотнили всех командиров боевых частей, поселив в освободившихся каютах заместителей Круминыша.

Пристально оглядев своих замов, Круминыш заявил:

– В результате провокации западных разведок, мы вместе с кораблем оказались в далеком прошлом. Советскому Союзу нанесен большой ущерб. Потерян новейший корабль и станочный парк ремзавода. Нас здесь пять человек старых большевиков. Кругом дремучий феодализм! Здесь нет СССР, нет зарубежных коммунистических партий и даже нет рабочего класса, на который могли бы опереться коммунисты. Вместе с членами делегации профсоюзов и торгпредства нас двенадцать человек. Еще есть 32 проверенных бойца НКВД. И есть экипаж корабля – 350 моряков во главе с бывшим князем Мещерским. Не захочет ли бывший князь снова стать князем настоящим? С таким кораблем и с таким вооружением он и королем тут может стать, если мы ему позволим. Что думаете по этому поводу, товарищи?

– Ну, Вы, по-моему, зря боитесь, Валдис Леонардович! Мещерский тоже коммунист, причем он еще в 17 году перешел на сторону народа. В экипаже тоже коммунистов много, а комсомольцы – почти все! – выразил сомнение Болотников.

– Мещерский в команде пользуется большим авторитетом. Снять его будет непросто. Нужны веские основания. А их пока нет. В «пузырь» корабль завел не он. Его на мостике тогда не было. Хотя, в принципе, я согласен. Целесообразно было бы поставить командиром корабля товарища Железнова. Он тоже капитан первого ранга. Но, это нужно тщательно подготовить, – дополнил Ягодин.

– Вы как, товарищ Железнов, возьметесь? – спросил Круминыш.

– А чего не взяться, все командиры БЧ и специалисты на своих местах остаются. А я еще в 17 году миноносцем командовал, когда мы с братвой всех офицеров за борт побросали.

– Тогда будем действовать через парторганизацию, – принял решение Круминыш. – Партия была и будет главной руководящей и направляющей силой! Даже в 16 веке! Первым делом объединим партячейки экипажа и экспедиции в одну организацию. Проведем партсобрание. Меня выберем секретарем, товарища Железнова – заворгсектором. Такие опытные партработники, как мы с вами, партийцы с дореволюционным стажем, легко сумеем перетянуть на свою сторону коммунистов экипажа. Марк Львович, кого из коммунистов – моряков мы можем сразу привлечь к своим планам?

– Заслуживают доверия замполит товарищ Лифшиц и особист лейтенант Замилацкий. Лейтенант парень способный, будет нам полезен. У него уже сексоты во всех боевых частях корабля имеются.

– На том и порешим. Введите в курс дела своих сотрудников. А Вы, Марк Львович поговорите с Лифшицем и Замилацким. Их выберем в оргсектор парторганизации. Все мы тоже,

естественно, должны быть в бюро. Но, про наш план снятия Мещерского никому кроме присутствующих знать пока не нужно.

Пока партийное ядро заседало, галеон затащили в залив и переправили на него дона Истебана. Марти помигал испанцам ратьером и взял курс на Сан-Хуан, держа ход шесть узлов. Решили пожертвовать временем, но оставить хотя бы минимальный запас горючего. До Сан-Хуана оставалось почти две тысячи морских миль. Таким ходом предстояло шлепать 14 дней.

3. Переход к Сан-Хуану.

Погода благоприятствовала. Ветер до двух баллов, легкая облачность днем, ясно по ночам, легкое волнение. Впрочем, для южной Атлантики летом это было вполне обычным. Тропические циклоны – довольно редкое явление. Их случается два – три за сезон. Экипажу наслаждаться морским круизом было некогда.

Командир объявил по кораблю боевую готовность номер два. К орудиям были поданы снаряды, дежурные расчеты постоянно находились при орудиях. Сигнальные вахты удвоены. В ночное время корабль затемнен. У кормового флага, у гауптвахты, у секретной части и у ходовой рубки стояли парные посты с оружием. Весь комсостав постоянно носил личное оружие – пистолеты ТТ с патронами при себе. Это командир сделал, что бы дать прочувствовать экипажу всю серьезность ситуации.

Уже через час после расставания с галеоном Мещерский созвал в кают-компании совещание всего комсостава корабля. Изложив свое понимание ситуации, обрисовал ближайшую задачу: дойти до Тринидада, организовать там добычу нефти и переработку её в мазут. Собственно, можно было топить котлы и нефтью, но придется часто чистить топки от нагара. Ни оборудования для добычи нефти, ни специалистов по её добыче и переработке на корабле не имелось. Требовалось создать емкости для хранения нефти и продуктов ее переработки, наладить систему транспортировки горючего на корабль. Кроме того, нужно было организовать оборону нефтепромысла от возможных врагов, как то дикие племена или средневековые испанцы.

Командир предложил всем боевым частям за сутки продумать эту тему и доложить свои предложения. Командирам БЧ и служб корабля поручил за двое суток провести анкетирование всех краснофлотцев на предмет их гражданских специальностей и других навыков и умений и сдать все анкеты замполиту. Лифшицу поручил составить алфавитный каталог по специальностям.

Зав библиотекой младлей Сенечкин предложил все личные книги экипажа сдать в корабельную библиотеку для пущей сохранности. Мещерский его полностью поддержал и в поощрение за инициативу поручил за пять дней составить полный каталог всех книг по алфавиту и по тематике. В помощь Семенихину для этой работы подключил зав Красным кубриком лейтенанта Курочкина.

В заключение командир сказал:

– Похоже, что мы выброшены в прошлое навсегда. Конечно, может нам еще попадется такой же пузырь и перебросит нас обратно, но я в это слабо верю. Никто и никогда на моей памяти не встречался с такими пузырями. А значит, если кто в пузыре пропал, то назад уже не вернулся. Поэтому надо готовиться жить в этом времени и в этом мире. Нас почти четыре сотни человек и у нас есть корабль. Наверное, многие читали книжку про Робинзона Крузо, а кто не читал, то прочитайте, она есть в библиотеке. Так вот, там человек один попал на необитаемый остров и выжил на нем. Обустроил свою жизнь и прожил на острове много лет. Так неужели же мы, советские моряки, не сможем наладить себе жизнь в этом времени? Не бывать такому. Так, что, товарищи моряки думайте, как нам наладить свою жизнь, и что для этого нужно сделать. И всех краснофлотцев к этому приобщите. Общими усилиями все придумаем и все наладим! – Засим командир распустил собрание. Оставил только штурманов.

Им поручил собрать все карты и лоции по Карибскому морю, островам и материковому побережью. Тем более, что карты Атлантики они перед отплытием получили. На всякий случай. Поиски карт начать с Тринидада. Все что найдут по этому острову, сразу нести к нему. Прошерстить на этот счет всю корабельную библиотеку. А библиотека, надо сказать, на Марти была знатная. Почти три тысячи томов. Некоторые еще со штампом библиотеки яхты «Штандарт». Была даже полная энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Каким-то чудом она пережила все перипетии революции и гражданской войны. Особенно отбирать все, что касается полезных ископаемых: нефти, угля, железа, серебра, золота, меди, ртути, серы, селитры.

Отпустив штурманов, вызвал к себе Сенечкина. Сразу вогнал парня в краску, назвав его самым важным человеком на корабле. На попытки возражений со стороны лейтенанта пояснил:

– Ты пойми! Мы в шестнадцатом веке! Тут еще ружья гладкоствольные с кремневыми замками. Пашут еще сохой! Из промышленности только кузнецы да кустари – ювелиры. Электричества нет, машиностроения нет, даже паровых машин еще нет, корабли деревянные да парусные. Самое ценное, что у нас имеется, это даже не корабль. Это – знания! А знания в головах и в книгах. И твоя задача – эти знания сохранить. Без знаний мы деградируем в девятнадцатый век. А то и вообще, одичаем до уровня местных! У нас многие краснофлотцы учатся заочно на рабфаках, в техникумах, и даже в институтах. У них имеются в кубриках учебники. Твоя задача собрать все книги до единой. Подготовься и по радиотрансляции объясни все это экипажу. Несколько раз! Пока до всех не дойдет! А приказ по обязательной сдаче личных книг в библиотеку я подготовлю прямо сейчас. Его командиры частей и служб доведут до всех. Все понял?

– Так точно! Разрешите идти?

– Приступай!

Окрыленный младший лейтенант помчался спасать цивилизацию.

Вскоре штурман притащил пачку морских карт Антильских островов и том Брокгауза с Тринидадом. Удача им улыбнулась. На карте из Брокгауза обнаружили «Pitch Lake» – Смоляное озеро. Удача улыбнулась еще шире. Озеро располагалось на юго-западной оконечности острова, буквально в шестистах метрах от берега. Единственным минусом было отсутствие удобной бухты и прибрежное мелководье. Марти близко к берегу подойти не сможет. Горючее придется возить баркасами. Озадачив штурманов поисками других аналогичных месторождений на побережье, Мещерский вызвал командира артиллерийской БЧ Сокольского.

Стали думать насчет обороны будущего нефтепромысла. Для начала подсчитали все наличные вооружения. Четыре орудия калибра 130 мм, семь универсальных трехдюймовок, три зенитных сорокапятки и два спаренных пулемета типа «максим». Боекомплект: по 150 снарядов на ствол главного калибра, по 320 снарядов на трехдюймовку, по 900 снарядов на зенитку и 20 000 патронов на пулемет. У каждого командира по пистолету – всего 28 штук ТТ, на каждый по 90 патронов, 8 мосинских карабинов у караульного наряда, на ствол по 150 патронов.

У конвойного полувзвода: два ручных пулемета ДП и 30 автоматических винтовок. Боекомплект надо будет уточнить, но вряд ли большой. Послали вестового к командиру конвойников лейтенанту Спиридонову. Тот сообщил, что в наличии 5 000 патронов и, приятная неожиданность – 60 ручных гранат.

Остров Тринидад оказался неожиданно большим. Площадь – почти 5 тысяч квадратных километров. Длина береговой линии – более 500 километров. Защитить такую береговую линию от высадки вероятного противника наличными силами не было никакой возможности. На море преимущество Марти над любым кораблем или даже крупной эскадрой противника было подавляющим. Сокольский авторитетно заявил, что главным калибром утопит любой испанский корабль с одного попадания. Фугасный снаряд проделает в борту парусника дыру в десяток квадратных метров. А стрелять можно будет с дистанции в 1 – 2 мили. Попадание в

ватерлинию в таких условиях гарантировано. При этом сам Марти для пушек испанцев будет недосыгаем. Так что, стрелять из главного калибра по галеонам – только зря снаряды переводить. Вполне достаточно пары попаданий из трехдюймовки. Каждый снаряд проделает в борту дыру в несколько квадратных метров. Более того, точно установив расположение крыйт-камер на парусниках, можно будет их топить одним точным попаданием из сорокапятки. Бронебойный или бронебойно-зажигательный снаряд пробьет деревянные борта и переборки и взорвется среди деревянных бочонков с порохом. Это гарантированное утопление любого испанского корабля.

Из главного калибра имеет смысл обстреливать только береговые крепости и форты. Таким образом, сделал вывод начарт, на Марти можно оставить одно носовое орудие главного калибра, носовую и кормовую трехдюймовки, одну сорокапятку и один пулемет. Этого хватит на все случаи жизни. Остальные орудия можно использовать для обороны береговых баз.

В то же время, сражаться с испанцами на суше совершенно не целесообразно. В крайнем случае, можно обороняться на заранее подготовленной позиции, вырубив всю растительность на милю, чтобы свободно простреливать все пространство вокруг укрепления. Подпускать испанцев на расстояние выстрела из гладкоствольного ружья категорически нельзя. Если придется сражаться в лесу, неизбежны потери, а менять даже одного своего бойца на сотню испанцев – это поражение в перспективе. Из этого командиры сделали очевидный вывод: в качестве базы Тринидад не подходит. Вокруг Смоляного озера, а его диаметр всего лишь 500 метров, нужно делать опорный пункт размером примерно километр на полтора, соорудить защищенные огневые точки, вырубить вокруг весь лес на милю. Для обороны нефтепромысла придется выделить две трехдюймовки, станковый и ручной пулеметы, десяток автоматических винтовок. Всего для этого, с учетом сменности караулов, потребуется не менее 50 бойцов. И еще человек тридцать потребуется для работы на нефтепромысле.

Для оборудования главной базы требовался небольшой остров неподалеку. Сформулировали требования к острову:

1) Небольшой размер, порядка 5 километров по длинной оси, чтобы несколькими орудиями можно было с возвышенных точек надежно прикрыть всю береговую линию.

2) Достаточная площадь, не менее 10 квадратных километров, и пригодная для земледелия поверхность, чтобы можно было прокормить не менее 2000 человек.

3) Наличие защищенной от волнения бухты, с глубинами, достаточными для Марти, и способной вместить, кроме самого Марти, еще десяток галеонов.

Изучив карты, Мещерский пришел к выводу, что единственный подходящий остров – Бекия, на котором в будущем появится порт Элизабет. Остров имеет вытянутую форму, максимальные размеры 13 на 4 километра, площадь – около 20 квадратных километров. По центру и вблизи оконечностей острова имелись возвышенности, пригодные для размещения орудий. Четыре трехдюймовки гарантировано накрывали всю береговую линию и все подходы к острову с моря. На западной стороне располагалась большая глубоководная бухта. Рельеф острова – в основном холмистый. Малые размеры острова позволяли надеяться, что испанцы на нем еще не обосновались.

Единственным недостатком острова, как базы, была удаленность от Тринидада – почти двести миль. Зато, на пути от Бекия к Тринидаду лежало с десяток малых островов, пригодных для последующего освоения, и один большой остров площадью 30 на 15 километров – Гренада. Совсем близко к Тринидаду располагался еще один крупный остров – Тобаго размером 7 на 25 километров. Обсудив насущные вопросы, командиры неожиданно для себя обнаружили, что по умолчанию считают войну с испанцами неизбежной.

– А чего это мы сразу испанцев во враги записали? – Осведомился сам у себя Мещерский. – Может у нас с ними будет мир – дружба?

– Давай-ка пригласим старпома и стармеха и на эту тему порассуждаем, – предложил Сокольский.

– А давай! И пусть принесут карту, на которую мы по результатам опроса дона Истебана испанские поселения нанесли.

Больше всех общавшийся с испанцем Звягинцев сразу заявил, что мира с испанцами не будет. Испания сейчас интенсивно колонизирует Южную и Центральную Америку. Они уже разгромили государства инков, ацтеков и майя. Вывозят оттуда огромное количество золота и серебра. На всех крупных островах и на материке в удобных бухтах они уже имеют поселения. Конкуренты в грабеже Америки испанскому королю совершенно не нужны. Нам предложат либо полностью подчиниться, либо попробуют уничтожить. Да и захватить железный корабль, плавающий против ветра без парусов, имеющий дальнобойные орудия, они тоже очень захотят, так что столкновение с ними неизбежно.

– Но, тогда следует вывод, что нам от испанцев следует пока всячески таиться, а когда основательно закрепимся на островах, тогда и вступить с ними в контакт. А там уж видно будет, воевать или торговать, – заключил Мещерский.

– Кстати, о торговле, – вступил стармех Востриков. – С местными индейцами нам, как раз, лучше быть в дружбе. Их испанцы притесняют, так что, они нам естественные союзники. Да и сельским хозяйством нам пока заниматься будет некогда. Проще выменять продукты у индейцев.

– А это мысль, Леонид Никитич! А что мы можем предложить на обмен? У нас у самих всего в обрез! – осведомился капитан.

– Я уже подумал на эту тему. У нас на борту комплект оборудования авторемонтного завода. Мы можем прямо в носовом минном трюме собрать некоторые станки, и наделать, например, ножи. Среди краснофлотцев специалисты найдутся. Многие на службу призваны с заводов. Стальные ножи у дикарей пойдут очень за дорого. Думаю, быка или пару свиней за нож вполне выменяем. А то и пару быков. На изготовление ножей можно пустить рельсы от минных транспортеров и стойки от стеллажей. Все равно у нас мин нет и не будет. Заодно место в минных трюмах освободится. А дикари будут у нас в союзниках. Например, наблюдение за морем на Тринидаде по всему побережью будут вести. Чтобы испанцы незаметно не высадились.

Кстати, нам на Тринидаде для строительства укрепления понадобятся топоры, пилы, ломы и лопаты в большом количестве, надо их уже начать делать.

Для нефтедобычи понадобятся буровые станки, трубы, насосы, повозки и емкости для перевозки. Их тоже надо начинать делать. Но, сперва, конечно, изучить этот вопрос и спроектировать оборудование.

– Я надеюсь, все же, в экипаже найдется кто-нибудь, знакомый с нефтедобычей и нефтепереработкой, – заключил Мещерский. – Давайте быстрее заканчивайте анкетирование экипажа. Но, разборку стеллажей и рельсов в носовом трюме готовьте срочно. Будем там ставить станки ставить.

В экспедиции тоже кипела работа. Круминьш с замами готовили создание партийной организации. Железнов запросил у Лифшица список членов и кандидатов в члены партии, а также список комсомольцев корабля. Коммунистов оказалось 26 человек и 5 кандидатов. Из них 22 командира, остальные краснофлотцы и младшие командиры. Комсомольцев – 270 человек. В конвойном полувзводе было 2 члена партии и 30 комсомольцев.

Круминьш, обдумывая вопрос, неожиданно для себя пришел к выводу, что в партийной организации должен быть не простой секретарь, а Генеральный. Ведь других коммунистов в этом мире не имелось. Он осознал огромную, свалившуюся на него ответственность. Ведь он, фактически, оказался на месте товарища Сталина. Предстояло создать не просто партийную организацию корабля, а всемирную коммунистическую партию! От масштаба задач у

бывшего латышского красного стрелка закружилась голова. Опираясь на корабль, можно было создать на Антильских островах настоящую коммунистическую республику! А потом распространить ее на всю Центральную Америку! Ведь дикие племена индейцев живут при первобытно – общинном строе. Как смутно помнил Валдис Леонардович из трудов основоположников, фактически – при коммунизме. Только нужно заменить ихних шаманов на парторгов, ихнее многобожие – на передовую теорию марксизма-ленинизма, а военных вождей – на секретарей парторганизаций. Но, для этого требуется сначала вышвырнуть из Америки испанских феодалов, которые жестоко порабащают и угнетают индейцев. А потом уже построить всеамериканскую коммунистическую республику!

От грандиозных перспектив захватило дух. Стало даже страшновато. Совладаю ли? Но минутная слабость вскоре прошла. Есть единственная в мире истинная теория – марксизм-ленинизм. Есть мудрые указания товарища Сталина. Полные собрания трудов основоположников в корабельной библиотеке имеются. Это Круминьш проверил, как только появился на корабле. Есть верные соратники, преданные партийцы. Нужно только выковать из экипажа корабля острый революционный меч. А там доберемся и до феодальной Европы, и до феодальной Азии. Валдис вдруг понял, что судьба дает ему шанс осуществить великую мечту основоположников Маркса и Энгельса: построить всемирную коммунистическую республику! За триста лет до рождения их самих!

Круминьш скомкал листы, на которых начал готовить свое выступление на партсобрании, и начал всё заново, исходя из новых, открывшихся перед ним сияющих высот.

Дон Истебан, капитан Святой Изабеллы, и присутствовавший на борту представитель губернатора Эрнандо де Сото вполне осознавали ценность информации о появлении у берегов Вест-Индии мощного железного корабля из далекой страны Камчатки. Об этом нужно было немедленно известить самого вице-короля. Поэтому, срочно, за три дня отремонтировав мачту и такелаж, галеон снялся с якоря и двинулся курсом на Сан-Хуан.

На следующий день заняться насущными делами Мещерскому не удалось. Начальник экспедиции созвал общее партсобрание. Явка всех коммунистов строго обязательна. Пришлось идти и каперангу. На вахте оставил беспартийного стармеха Вострикова. Заменял всех стоящих на вахте коммунистов беспартийными. Впрочем, с утра успел озадачить беспартийных штурманов подбором литературы по испанской колонизации Америки и составлением её хронологии.

Собрались в кают-компании. Всего 40 коммунистов и 5 кандидатов. Выбрали председательствующего – Зильбермана и секретаря – Ягудина. Затем, слово взял сам начальник экспедиции.

– Товарищи коммунисты! Происками мирового империализма мы все заброшены в 16-й век, в эпоху глухого и беспросветного феодализма. На всех нас и на каждого из нас в отдельности легла огромная ответственность. Вдумайтесь: мы, сидящие в этом зале – сейчас единственные коммунисты во всем мире! По всему миру феодалы угнетают крестьянство и ремесленный пролетариат. И защитить их от гнета можем только мы с вами. Здесь, в Америке испанские феодалы – завоеватели порабащают и истребляют коренные индейские племена, угнетают первобытных индейцев. Мы должны защитить местное население от колонизаторов и принести ему свет марксистско-ленинского учения. Здесь и сейчас, в этом зале, происходит вовсе не партийное собрание экспедиции, а всемирный съезд коммунистов планеты Земля!

Руководствуясь единственно верным учением Макса – Энгельса – Ленина – Сталина мы должны повести экипаж Марти, а за ним народы островов Карибского моря, народы Америки, а потом и народы всего мира через антифеодальные революции к сияющим вершинам коммунизма! Руководящей и направляющей силой этого неодолимого движения будет наша

родная Коммунистическая партия. Исторический процесс, определяемый объективными законами диалектического и исторического материализма остановить невозможно! Дашь мировую революцию!

Мы должны скорректировать Программу и Устав партии применительно к тем условиям, в которых оказались. Это большая и серьезная задача. Для разработки этих документов предлагаю избрать редакционную коллегию. Кроме того, мы должны сегодня избрать руководящие органы нашей партийной организации. Приняв программу, мы должны будем беспощадно бороться с любыми попытками искривления линии партии. Наша сила в единстве рядов и беспрекословной партийной дисциплине. Никакая фракционная борьба недопустима. Мы будем решительно бороться с троцкизмом, с правым и левым уклоном.

В редакционную коллегию по разработке Программы и Устава предлагаю избрать товарищей Болотникова, Ягодина и Лифшица. Товарищ Зильберман, прошу поставить кандидатуры на голосование, после выступлений товарищей в прениях.

В прениях никто выступить не захотел. Все ошарашено молчали. За редколлегию проголосовали единогласно. Затем, по предложению председательствующего, избрали счетную комиссию для выборов руководящих органов партийной организации. Зильберман предложил называть кандидатуры в организационный сектор. Ягодин предложил заведующим оргсектора каперанга Железнова, а членами – каплея Лифшица и лейтенанта Замилацкого. Проголосовали снова единогласно.

Приступили к выборам бюро парторганизации. Железнов предложил избрать членами бюро заслуженных большевиков Зильбермана, Болотникова и капитана корабля Мещерского. Почуввав неладное, слава богу, не первый год в партии, Николай Иосифович толкнул локтем сидевшего рядом старпома. Тот встрепенулся и предложил в бюро командира минной БЧ каплея Жердева, которому, все равно, в связи с отсутствием на борту мин, делать было нечего. Почувствовав, что экипаж корабля хотят оттереть от руководства парторганизацией, старый коммунист главстаршина Панин предложил в бюро боцмана Влазнева, известного своей упёртостью и отсутствием страха перед вышестоящими. На этом председательствующий Зильберман закрыл список кандидатур, заявив, что на 45 коммунистов пяти человек в бюро более чем достаточно, и предложил ограничиться тремя членами. Почувствовавшие подвох моряки большинством голосов предложение отклонили и выбрали в бюро всех пятерых. Избранное бюро уединилось на несколько минут в углу кают-компания, а затем предложило собранию избрать секретарем парторганизации товарища Круминыша. Возражений не последовало. Избрали единогласно.

Новоизбранный секретарь предложил коммунистам провести во всех подразделениях комсомольские собрания, довести до комсомольцев результаты партсобрания и разъяснить линию партии. Потом, отдельно собрать по подразделениям беспартийных. Затем хором спели «Интернационал». На этом председательствующий закрыл собрание.

Весь оставшийся день Мещерский ходил по комсомольским собраниям подразделений. Ну да, нет худа без добра. Разъяснить лично всему экипажу обстановку было необходимо. Затем ходил по собраниям беспартийных. Где не успевал сам, посылал старпома. В каждом подразделении собрания проводили дважды, поскольку часть людей постоянно была на вахте.

Командование корабля ожидало нервных срывов, когда люди осознают, что больше никогда не увидят родных и близких. Сам Мещерский осознал это после встречи с галеоном. Ему было чуть легче. Оба сына у него уже были взрослыми, а внуков еще не было. Все коммунисты вели разъяснительную работу с краснофлотцами индивидуально. На ужин капитан приказал выдать экипажу по сто граммов водки.

Утром, во время завтрака предложил Круминышу собрать руководство экспедиции для обсуждения текущих дел, причем настоял на присутствии командиров боевых частей и служб корабля. Круминыш поморщился, но согласился. Собрались сразу после завтрака.

Мещерский рассказал об обнаружении штурманами места расположения нефтяного озера на Тринидаде и предложил стармеху доложить соображения по нефтедобыче. Востриков сообщил о необходимости изготовления силами экипажа буровой установки, насосного и транспортного оборудования, емкостей для хранения и перевозки нефти. Для чего предложил использовать оборудование авторемонтного завода, разместив его в минном трюме.

Мещерский сообщил, что уже дал команду разбирать минные транспортеры и стеллажи в трюме. Неожиданно возмутился Железнов, заявив, что командир корабля не имел права демонтировать конструкции корабля без санкции вышестоящего руководства в лице заместителя начальника экспедиции, то бишь, в его собственном лице.

Николай Иосифович в ответ открыл специально припасенную на такой случай папочку с приказом командующего Балтфлотом вице-адмирала Галлера об организации экспедиции, и зачитал выдержки:

Командиру минного заградителя Марти капитану первого ранга Мещерскому приказываю:

1) Обеспечить доставку экспедиции и груза в порты Нью-Йорк и Майями и транспортировку возвратного груза в Кронштадт.

2) Содействовать персоналу экспедиции в выполнении стоящих перед экспедицией задач.

3) Выполнять распоряжения начальника экспедиции в части, касающейся исполнения задач экспедиции.

Адмирал Галлер был настоящим моряком и знал, что на корабле может быть только один командир, и нарушение этого принципа обычно приводит к тяжелым последствиям.

– Ну и где здесь про подчинение командира корабля заместителю начальника экспедиции? – спросил Мещерский. – Все задачи экспедиция выполнила, за исключением последней. Но, в Кронштадт я доставить экспедицию и груз не могу, по причине отсутствия Кронштадта и Советского Союза. Подчиняюсь я только адмиралу Галлеру. Его последний приказ я зачитал.

Железнов побагровел, и начал хватать ртом воздух, как вытасченный из воды карась. Поняв, что ситуация выходит из под контроля, вмешался Круминыш.

– Ну что вы, товарищи моряки, в самом деле! Никто не оспаривает единоначалие командира на корабле. Тем более, что в данном случае, Николай Иосифович совершенно прав. Минное оборудование нам в дальнейшем не понадобится. А вот использование заводского оборудования с экспедицией согласовать нужно. Ведь товарищ Зильберман за приемку оборудования расписался и несет за него полную ответственность. Как скажете, Самуил Исаакович, даем санкцию?

– Ну, раз такое дело, придется санкцию дать. Пусть товарищ Мещерский подготовит письменную заявку на выдачу станков, я ее согласую, а вы утвердите, – сделать крайним прожженного бюрократа Зильбермана было сложно.

Мещерский достал из папочки заранее заготовленную заявку, подписанную стармехом и им самим, и передал Зильберману.

– Кстати, у меня в профсоюзной делегации есть товарищ Сапегин. Он до перехода на профсоюзную работу был слесарем 6-го разряда. Он вполне может возглавить механический цех, который мы развернем в минном трюме. Есть еще товарищ Еремеев, он бывший токарь высокой квалификации. Но, он у нас проштрафился в Майями, как вы помните, – вмешался в разговор профсоюзник Болотников.

– Вот и хорошо! Проблема благополучно разрешается, – резюмировал Круминыш. – Но, все же, я бы попросил Вас, Николай Иосифович, своевременно ставить меня в известность о принимаемых Вами решениях. А еще лучше, советоваться со мной по серьезным вопросам. Я хоть и не моряк, но все же старый большевик и секретарь партийной организации.

– Непременно постараюсь, Валдис Леонардович! – ответил Мещерский. – А теперь главный артиллерист Сокольский доложит наши соображения по обороне нефтепромысла.

Предложения Сокольского приняли. Ягодин санкционировал привлечение бойцов – конвойников к обороне нефтепромысла и к работам по строительству укреплений.

В заключение одобрили инициативу по завязыванию союзнических отношений с индейцами и получение от них продовольствия в обмен на ножи. Проработку этого вопроса поручили Зильберману.

На этом совещание завершили. Моряки разошлись по боевым постам.

– Нет, товарищи, вы видали, каков гусь этот Мещерский! – с обидой выдохнул промолчавший все совещание Железнов. – Кроме Галлера никто ему не указ! А раз Галлера здесь нет, так он сам себе командир!

– Мы с вами это предвидели, товарищи. Мещерский повел себя так, как я и предполагал. Ну да ничего, через парторганизацию наденем на него узду! – С умудренным видом заключил Круминьш.

В минном трюме кипела работа. Разбирали рельсы и стеллажи и выносили их на главную палубу. Там уже разбирали упаковку станков. В трюме должны были разместиться электросварочный, кузнечно-прессовый, шлифовальный, сверлильный, токарный, фрезерный станки и электронагревательная печь. Под них надо было сварить основания.

Лифшиц принес обработанные результаты анкетирования экипажа. Они оказались значительно лучше, чем мог ожидать Мещерский. Из 320 краснофлотцев 140 имели рабочие специальности, в основном 3 – 4 квалификационного разряда. Были и токари, и слесари, и сварщики. Были даже кондитер и краснодеревщик. Но, самое главное, нашлись двое рабочих нефтепромысла и один рабочий нефтеперегонного завода. 80 человек учились заочно в техникумах и институтах. 92 человек происходили из крестьян, но в большинстве имели ремесленные специальности: кузнецы, плотники, столяры, шорники. Оно и понятно, от сохи призывников на флот старались не брать. Были сапожники и портные. А дополнительных навыков и увлечений вообще было не счесть. От шахмат и рисования до авиамоделизма, парашютного спорта и резьбы по дереву. Короче, производство кадрами укомплектовать можно было без проблем. Но как при этом не снизить боеготовность экипажа?

Надо было думать, как переформировать боевые расчеты. Проблема разрыва с родными, наоборот оказалась менее острой, чем ожидалось. Семьи с малолетними детьми имели лишь 36 человек. Все же, экипаж состоял, в основном, из совсем молодых людей. Мещерский приказал командирам, парторгам и комсоргам подразделений обратить на семейных особое внимание, а главное, постоянно загружать их работой. По собственному опыту знал: работа – лучшее лекарство от тоски.

Да и тропический океан, в блеске солнечного света нежно обнимавший неспешно бредущий корабль, ласковая волна, плескавшая у борта, яркое голубое небо в пухлых белых облаках никак не способствовали унынию. Моряки щеголяли в летней форме. Спали, открыв иллюминаторы. Часто наблюдали перед форштевнем стаи дельфинов, стремительно скользящих в толще воды, дважды видели пускавших фонтаны китов. О надстройки бились летучие рыбы, попадая прямоком на камбуз. С кормы свободные от вахты краснофлотцы ловили на блесну тунцов и макрелей. Такое впечатление, что морской живности здесь было гораздо больше, чем в родном 20-ом веке.

За 9 дней закончили монтаж станков в трюме. Укомплектовали их кадрами. Для пробы изготовили партию из полусотни ножей. Старший электрик старлей Врубель раскопал в библиотеке учебник по водоснабжению, а в нем – принципиальный чертеж установки для ручного бурения артезианских скважин. На его основе разработали проект бурильного станка. Приступили к его изготовлению. Попутно начали делать топоры, лопаты, кирпичи, колеса для тачек и телег.

На второй неделе приступили к разборке минных транспортеров на главной палубе. Там запланировали установить весь остальной станочный парк.

На десятый день на общем партийном собрании обсуждали разработанной комиссией устав и программу. Партию назвали громко: КППЗ – коммунистическая партия планеты Земля. Секретаря решили именовать Генеральным, а бюро – Политическим, все с большой буквы, в соответствии с громадьем задач. Программной целью партии обозначили построение на всей земле бесклассового общества в виде Союза Коммунистических республик. Способ достижения цели – антифеодальные революции во всех странах мира, совершенные ремесленным пролетариатом и крестьянством под руководством КППЗ.

Фракционность в партии, в связи с враждебным феодальным окружением, категорически запретили. Всякий коммунист, возражающий против утвержденного решения Политбюро или общего собрания парторганизации, подлежал немедленному исключению из партии. Программу и Устав приняли единогласно. Закончили пением «Интернационала». Песня мощно прозвучала над просторами южной Атлантики.

Политбюро заседало ежедневно. Обсуждали вопросы партийного и государственного строительства в будущих коммунистических республиках. Решили провести среди комсомольцев и коммунистов Сталинский зачет на знание первоисточников, истории ВКП(б), новых Программы и Устава.

Мещерский, в связи с занятостью, как правило, на заседаниях Политбюро отсутствовал. Боцман часто отсутствовал тоже. Зато, главного минера Жердева командир обязал присутствовать на всех заседаниях в обязательном порядке.

Сталинский зачет среди членов партии проводил лично Круминыш. Среди комсомольцев работали его заместители. Среди прочего, ненавязчиво интересовались, какие недостатки в организации быта и боевой подготовки видит партиец или комсомолец. Какие действия вышестоящих командиров считает неправильными? Кого бы хотел видеть своим командиром? Присутствовавший на зачетах Жердев об этих интересных вопросах докладывал командиру.

Особист Замилацкий как крот рылся в личных делах краснофлотцев, стараясь найти компронат. Вызывал к себе и склонял матросов пойти в сексоты. Пытался обеспечить себе осведомителей в каждой группе и в каждой батарее. Об этой возне также доложили командиру. Мещерский вызвал особиста и настоятельно порекомендовал ему не отрывать людей от дел, которых и так выше крыши. После этого к Мещерскому заявился Ягодин и пытался давить на партийную сознательность, ссылаясь на необходимость повышения бдительности во враждебном феодальном окружении. Но, был вежливо послан, со словами, что командиры подразделений сами в состоянии обеспечить дисциплину, а сбежать с корабля краснофлотцам все равно некуда. И шпионские сведения передавать некому. У командиров и так болит голова, как закрывать вахты, когда все больше людей, по мере запуска станков, переходит на производство. Подсобными рабочими к станкам уже пришлось ставить бойцов – конвойников.

Боевую готовность №2, однако, Мещерский не отменил. На двенадцатый день сигнальщики заметили в отдалении три парусника, идущих строем кильватера. Их обогнули по дуге, не приближаясь.

Наконец, вечером четырнадцатого дня доплыли до Сан-Хуана. По общему согласию руководства, с визитом к губернатору решили повременить. Марти лег в дрейф в 20 милях от города. На закате спустили большой катер и отправили его к порту, с указанием провести разведку, не обнаруживая себя. Возглавил разведку лейтенант Мякишев. На рассвете катер был в нескольких милях от порта. Вернувшись, Мякишев доложил, что город совсем маленький. Дома в городе одно – двухэтажные. Электрического освещения нет. На входе в порт обнаружили два парусника. Сам порт с моря не просматривался. Если у кого и теплилась надежда, что все это не правда, то после Сан-Хуана она окончательно пропала.

4. Переход к Тринидаду.

От Сан-Хуана до Тринидада оставалось примерно 500 миль, трое суток хода. В боевых частях, наконец то, закончили сбор предложений от экипажа по вращению в новый мир. Предложения собирали в письменном виде. Их было очень много. Командиры БЧ систематизировали их и отобрали наиболее разумные. Для окончательного отбора предложений Мещерский собрал совещание комсостава. Пригласил и Круминьша, но тот прислал Болотникова и Зильбермана, сославшись на занятость разработкой общей стратегии коммунистического движения. Прозаседав целый день напролет, рассмотрели сотни идей. Наиболее реальными и полезными признали следующие:

- 1) Найти месторождения железа и угля, начать выплавлять железо.
 - 2) Найти серу, селитру, производить черный порох.
 - 3) Делать ручные гранаты из черного пороха.
 - 4) Делать минометы с электроподжигом вышибного заряда.
 - 5) Делать легкие казнозарядные гладкоствольные пушки с унитарным выстрелом и электроподжигом.
 - 6) Делать противопехотные мины.
 - 7) Делать боевые ракеты.
 - 8) Наладить производство стекла и оптических приборов.
 - 9) Начать производство электроламп.
 - 10) Наладить производство часов для продажи испанцам.
 - 11) Изготовить дисковые пилы и построить пилораму.
 - 12) Наладить производство кирпича, черепицы, керамической посуды и керамических корпусов для противопехотных мин.
 - 13) Наладить производство цемента.
 - 14) Делать примитивные искровые приемопередатчики типа применявшихся во времена русско-японской войны.
 - 15) Найти месторождения меди и начать производство электропроводов в каучуковой изоляции для организации кабельных линий телеграфной связи и линий электропередачи.
 - 16) Построить на реках гидроэлектростанции, используя в качестве генераторов имеющиеся в наличии электромоторы от минных транспортеров.
 - 17) Изготовить паровые двигатели, взяв за образец имеющиеся двигатели катеров.
 - 18) Изготовить автомобили с паровыми двигателями.
 - 19) Изготовить трактора с паровыми двигателями.
 - 20) Захватить у испанцев корабли и установить на них паровые двигатели.
 - 21) Найти каучук, делать из него резину для колес автомобилей и тракторов.
 - 22) Наладить закупки сока бразильской гевеи для изготовления каучука.
 - 23) Изготовить аэростат для расширения зоны визуального наблюдения.
 - 24) Найти месторождения золота и серебра, начать их разработку.
 - 25) Оказывать медицинские услуги аборигенам за плату продовольствием и товарами.
 - 26) Провести вакцинацию индейцев против европейских эпидемических заболеваний.
 - 27) На неквалифицированную работу нанимать индейцев с оплатой натурой (ножами).
- Зильберман внес ценное предложение: попытаться на подсобные работы вербовать ремесленников в испанских поселениях или даже в Европе, но, для этого нужно решить вопрос добычи золота или серебра для оплаты за работу. Наем местных ремесленников позволил бы решить острейшую кадровую проблему.

Болотников развил идею дальше, сделав предложение, о котором многие думали, но не решались высказать. Будут деньги, можно будет покупать у европейских феодалов женщин и девушек. Можно попробовать выкупать женщин и у дикарей за ножи. В новом мире всем

нужно будет обзаводиться семьями. Идею горячо поддержали. В экипаже женщин не было ни одной.

Первоочередными задачами, помимо производства нефтепродуктов, признали паровые двигатели, пилораму, металлургию, кирпичное и керамическое производство.

Между тем, механический цех наращивал производство. Уже было изготовлено 150 штыховых и 100 совковых лопат, 25 кирок, 90 топоров, 100 ножей. Приступили к изготовлению двуручных пил и колес для тачек. Во весь рост встала проблема листового железа. Для изготовления пил приходилось прессом расковырять до состояния тонкого листа рельсы минных транспортеров. Начали делать детали бурового станка. Разрабатывали конструкцию пилорамы.

Функции заведующего производством постепенно прибирал к рукам, оказавшийся весьма полезным работником шеф профсоюзников Болотников. Оказалось, до перехода в профсоюзы ему пришлось потрудиться как раз начальником цеха. Мастерами участков у него стали Сапегин и Еремеев. Поскольку надо было держать высоко марку советских профсоюзов, на конгресс послали настоящих рабочих, перешедших на профработу, а не чистых аппаратчиков. Те, не зная специфики производства, могли опозориться в беседах с американскими коллегами. Все профсоюзники оказались полезными членами коллектива. Командиры из электро-механической БЧ, в свободное от вахты время, вникали в тонкости производства.

Целый день руководство экспедиции во главе с Генсеком и с участием командиров – моряков потратило на обсуждение будущих взаимоотношений с испанцами. То, что в будущем столкновение неизбежно, понимали все. Но, тактика могла быть разной.

Железнов предлагал первыми атаковать испанцев с целью захватить у них сырье и драг-металлы, а военнопленных использовать на работах. Все равно, испанцы являются феодалами и эксплуататорами, и истреблять их – наш пролетарский долг. Поэтому имеем полное моральное право атаковать первыми. Отобрать у испанцев золото и серебро которое они награбили у индейцев – наше законное право. Революционеры всегда экспроприировали эксплуататоров для партийных нужд. Даже сам товарищ Сталин этим занимался.

Зильберман считал более разумным сначала заключить союз с индейцами. Индейцев с неизбежностью будут грабить испанцы. После нападения испанцев на индейцев, мы будем обязаны прийти на помощь союзникам. Тем самым приличия и международные нормы будут соблюдены.

Сокольский полагал необходимым ждать нападения испанцев, и даже допускал возможность спровоцировать это нападение. Потом переходить в решительное наступление и захватывать у противника все возможные ресурсы.

Мещерский, признавая, что отбор награбленных ресурсов у испанцев – дело справедливое, полезное и нужное, считал все же необходимым, сначала закрепить в ключевых точках, а до того всячески скрывать от испанцев свое присутствие. В случае преждевременного обнаружения испанцами строящихся баз, их корабли следует уничтожить или захватить в плен, с целью пресечения утечки информации. Затем следует нарастить свои силы, и в случае конфликта с испанцами нанести им такой удар, чтобы испанцы зареклись впредь задевать экипаж Марти.

Командиры боевых частей поддержали своего капитана. Болотников и Ягодин присоединились. Такую стратегию и приняли.

- 1) Строительство баз максимально замаскировать.
- 2) С индейцами завести дружбу и заключить союз.
- 3) Возможность преждевременной утечки информации к испанцам жестко пресекать.
- 4) После начала конфликта действовать максимально решительно и жестко.

Генсек стратегию утвердил.

По приказу Мещерского на рабочий катер установили зенитную сорокапятку и станковый пулемет. На разъездной катер поставили пулемет. Получились два малых сторожевика.

На случай, если Марти окажется без топлива, а придется тормозить какой-нибудь испанский корабль. На оба поставили съемные мачты и сшили паруса, для маскировки.

Дон Истебан ничего не рассказывал о наличии испанского поселения на Тринидаде, но, на всякий случай, от берега острова прошли в двадцати милях. Истебан мог чего-то не знать, а то и сознательно мог вводить в заблуждение. К намеченной точке острова подходили ночью. Остановились по счислению в пяти милях от берега.

5. Остров Тринидад.

Еще перед рассветом Мещерский отправил на рабочем катере десятерых бойцов при пулемете под командованием лейтенанта Спиридонова на разведку. С ними ушел зам стармеха старлей Быстрицкий. Старпом, тщательно промеряя глубину, подвел корабль как можно ближе к берегу и поставил его на якорь. Через два часа разведка вернулась. Смоляное озеро нашли. Оно отделялось от берега полукилометровой полосой джунглей. Напротив озера на берегу поставили вешку. Капитан готов был дать команду на десантирование рабочих команд, но начальник экспедиции решил провести митинг. Команду построили вдоль бортов на баке, Круминыш с мостика толкнул речь. На полчаса. Про происки империалистов, про долг коммунистов – интернационалистов, про феодалов – угнетателей, про несчастных угнетенных индейцев, про грядущую мировую революцию. Закладывая левую руку за борт пиджака и делая указующие и угрожающие жесты. Прямо Ленин на броневике у Финляндского вокзала, желчно подумал Николай Иосифович, вспомнив картину известного художника. Время дорого, а он турусы на колесах разводит. Вслух, естественно, ничего не сказал. Когда Круминыш закончил, решил взбодрить засыпающих в строю краснофлотцев, и взял слово.

– Товарищи краснофлотцы. Я долго говорить не буду. Наше положение вы все знаете. Марти стоит с пустыми танками. Если вдруг появится испанцы, Марти беспомощен. Мы с вами должны в кратчайший срок добыть нефть и заправить корабль. Затем, обустроить месторождение и оборудовать укрепленную позицию. Работать будем весь световой день – по двенадцать часов. Иначе, нам труба. Я закончил. Первый отряд и 20 человек из второго – на посадку с инструментом. Вольно! Разойдись!

270 человек краснофлотцев были разбиты на шесть отрядов. В каждом по 40 – 50 человек с лейтенантом во главе. Отряды разделены на бригады рубщиков деревьев, обрубщиков сучьев, пильщиков и трелевщиков. Бригадирами назначили старшин. В каждом отряде было по два – три человека с опытом работы лесорубом.

В первом отряде сосредоточили всех плотников, столяров, электриков и машинистов. В нем же были все трое рабочих – нефтяников. Этот отряд должен был заниматься монтажом буровой вышки и бурового станка. Возглавлял отряд старлей Быстрицкий. Сам Мещерский тоже пошел с первым отрядом. Все плавсредства Марти: два катера, два гребных баркаса и две шлюпки могли за раз переправить на берег 80 человек. Высадившись, первый отряд двинулся через джунгли к озеру. Путь через густой подлесок пришлось прорубать топорами. В высоких кронах верещали птицы, скакали мелкие обезьяны, пару раз видели крупных змей, спешивших убраться с дороги.

Вскоре, отряд вышел к берегу озера. Озеро впечатляло. Среди непролазной зелени леса разлеглась совершенно голая бурая пустошь. На плоской поверхности тут и там чернели ямы, заполненные черной массой. Размер ям колебался от нескольких метров до сотен метров. Многие ямы сливались краями. Несмотря на раннее утро, над ямами уже дрожало нагретое марево. Густо пахло нефтью. Ямы занимали округлой формы пустырь диаметром примерно метров пятьсот. Окружающая озеро полоса темно-бурой, пропитанной нефтью земли, была полностью лишена растительности. Лишь в сотне метров от ям из земли вылезали первые чахлые ростки. Зато, еще через полста метров уже стояли стеной джунгли. Выйдя к краю одной из самых боль-

ших ям и постояв там, озираясь, Мещерский отошел от края метров на двадцать, взял у ближайшего краснофлотца лопату и воткнул ее в бурюю землю.

– Бурить будем здесь!

Сопровождавшая отряд пятерка бойцов с винтовками рассыпалась полукругом, оцепляя место работ. Быстрицкий раздал указания. Лесорубы двинулись к ближайшим деревьям. Для буровой вышки нужно было свалить десяток прямых стволов метров по двадцать высотой. Остальные взялись копать ямы для установки опор. Шестой отряд последним рейсом должен был привезти детали бурового станка. Капитан по прорубленной тропе двинулся к берегу проследить за высадкой остальных отрядов.

На тропе встретил второй отряд, который, высадившись, сразу взялся прорубать просеку десятиметровой ширины от берега к озеру. План работ отрядам был расписан заранее. Когда Мещерский вышел на берег, к работе уже приступил третий отряд. Он прорубал просеку по левой стороне периметра будущей крепости. Десантная флотилия снова уходила к кораблю. Четвертый, пятый и шестой отряды тоже должны были рубить периметр. Каждый отряд охранялся четырьмя бойцами с винтовками. Два расчета ручных пулеметов составляли мобильный резерв.

По разработанного артиллеристами и конвойниками проекту, крепость имела форму прямоугольника со сторонами 700 и 1200 метров. Длинные стороны располагались перпендикулярно берегу по обеим сторонам озера. Одна короткая сторона шла по берегу, другая отделяла дальний край озера от джунглей. На первом этапе, предполагалось вырубить весь лес на 200 метров вокруг периметра. Отряды должны были рубить деревья, очищать их от сучьев и разделять на бревна шестиметровой длины. По периметру планировалось построить сплошной частокол из бревен высотой четыре с половиной метра. Предполагалось вкапывать бревна в землю на полтора метра.

Через каждые 200 метров на внешней стороне частокола запланировали установить башни в виде срубов размером три на три метра и высотой шесть метров. До уровня четыре метра внутрь срубов насыпать грунт и сделать в верхней части сруба бойницы. В каждой башне предполагалось разместить стрелка с автоматической винтовкой. В двух дальних углах стены запроектировали срубы размером шесть на шесть метров. Их решили засыпать грунтом доверху и установить на них две трехдюймовки. Ручной и станковый пулеметы предполагалось оперативно перебрасывать в башни на атакованное направление.

Затем планировалось вырубить весь лес вокруг периметра на тысячу пятьсот метров, что превышало дальность всех имеющихся у потенциального противника огневых средств. Лес внутри периметра предполагалось вырубить на топливо для нефтеперегонных установок.

Отряды работали весь день с перерывом на обед, доставленный с корабля дежурным нарядом. Весь начсостав демонстрировал трудовой энтузиазм и работал наравне с рядовыми краснофлотцами. За день удалось прорубить двадцатиметровую просеку по всему периметру. Первый отряд смонтировал буровую вышку. С корабля привезли буровой станок, один паровой мотор, снятый с разъездного катера, и динамо-машину. По просеке протянули электропровод и развесили на столбах электролампы. Запустили электростанцию и до темноты успели осветить всю просеку. День прошел спокойно. Работам никто не мешал. После первоначальной суеты отряды втянулись в ритм работы. На ночь вдоль освещенной просеки выставили сдвоенные караулы. Экипаж отправился ночевать на корабль. Ночью тоже все было тихо. Растревоженные джунгли постепенно успокоились.

На вахте днем оставались только сигнальщики, расчет одной трехдюймовки и минимальный расчет машинной команды. Однако, машинисты и артиллеристы не бездельничали, а работали в поте лица в цехе. Под руководством стармеха они пытались изготовить пакет дисковых пил для лесопилки. Из снятого в минных трюмах железа изготовить пилы не удалось. Приехав-

ший вечером с берега командир приказал снять листы шестимиллиметровой противоосколочной брони с одной из пушек главного калибра и попытаться изготовить дисковые пилы из них.

«Раскулачивание» корабля, таким образом, началось. Сорокапятка, два пулемета, д электростанция, броня с башни. Впрочем, пока все было в пределах допустимого. На Марти имелись четыре электростанции. Две динамо-машины по 400 киловатт на валах главных двигателей. Стояночный генератор на 200 киловатт с дизелем мощность 300 лошадиных сил и еще один запасной такой же. А количество пушек на корабле, все равно, предполагалось сократить.

Мещерский надеялся, что паровой двигатель с катера сняли временно. Невдалеке от периметра протекала речушка, на ней планировалось со временем устроить гидроэлектростанцию. Внутри периметра речки, к сожалению не было. Но был родник и ручей, позволяющий набирать воду для питья и бытовых нужд. На следующий день работа раскошегарилась. За день расширили просеку еще на тридцать метров. Бурильщики ручным станком с приводом в восемь человеческих сил просверлили четырнадцать метров грунта. В цехе изготовили пакет из десяти дисковых пил диаметром 120 сантиметров. На берегу начали строить пилораму для распускания бревен на доски – пятидесятки.

Около полудня к лесорубам на просеку из леса заявили гости. Один ярко раскрашенный индеец в роскошном головном уборе из разноцветных перьев в сопровождении шестерых менее ярко раскрашенных. Все в набедренных повязках из мешковины и с копьями. Индейцы бурно жестикулировали и что-то лопотали. Жестами их успокоили и попросили подождать. Срочно вызвали с корабля Мещерского и переводчика.

Выяснилось, что один из менее раскрашенных индейцев более – менее мог говорить по испански. Самый раскрашенный, назвавшийся вождем Петекотлем, с ходу выкатил Мещерскому предьяву, обвинив в незаконном захвате принадлежащей его племени земли. Знавший со слов дона Истебана, а также из проведенного штурманами анализа литературы, прежде всего Брокгауза и Ефрона, что островные индейцы, в отличие от материковых, были в основном мирными, каперанг долго извинялся, ссылаясь на незнание местных обычаев, а также на свое дремучее невежество. Типа думали, что земля эта ничейная. Успокоив вождя, пригласил его со свитой на корабль. Со всем почетом доставили их на катере к парадному трапу, провели по кораблю и пригласили вождя в кают-компанию, оставив свиту на палубе. Там уже дожидался Круминьш с Зильберманом.

Вождя угостили булочками с чаем и подарили стальной нож с красивой лакированной деревянной рукояткой. Наконечники копий у свиты были кремневыми, а у вождя – медным. Вождь был в восторге. В ходе дипломатической беседы заключили торговую сделку. Всю землю на тысячу шагов вокруг периметра вождь уступил за 4 ножа. Что такое железо, он знал, но ни одного железного предмета в племени не было. От вождя узнали, что на севере острова в четырех днях пути по берегу есть большое индейское селение Конкерабия, которым управляет верховный вождь острова Тетикетль. Вот у него есть железные ножи. Оказалось, что вблизи селения стоит небольшой испанский сторожевой форт, куда иногда заходят корабли. Про Конкерабию в Брокгаузе было написано, но точная дата основания поселения испанцами там отсутствовала.

Это было весьма неприятное известие. Через индейцев информация о Марти неизбежно дойдет до испанцев. Следовало торопиться. Вождь рассказал, что медные наконечники они захватывают у материковых индейцев, которые время от времени совершают набеги на остров с целью захвата пленных. Учитывая, что остров отделял от материка пролив шириной всего 11 миль, это было вполне вероятно. По словам вождя, материковые индейцы были отъявленными вероломными негодяями, постоянно совершающими человеческие жертвоприношения и вообще, каннибалами. Эта информации совпадала с полученной от дона Истебана и подтверждалась литературными источниками. Недолго думая, Мещерский предложил вождю защиту от материковых индейцев. В ответ вождь взялся сообщать о появлении в округе этих самых

индейцев и испанцев. Союз был заключен. В ознаменование союза раскурили по кругу трубку вождя, выпили по бокалу вина и пригласили вождя заходить еще.

На четвертый день добились главного: с глубины 44 метра самотеком пошла нефть. Бур вытащили, в скважину вставили трубу с краном и уплотнили ее горловину. Один отряд бросили на рытье котлованов. За день вырыли котлован объемом 100 кубов. Стенки котлована засыпали асфальтом, вынутым из ближнего озера, и утрамбовали. К ночи протянули от скважины к котловану пожарный рукав и начали заполнение котлована. До вечера смонтировали пилораму и разделали на доски первые бревна. С корабля привезли вторую пилораму, предназначенную для обрезки краев досок.

Вождь снова пришел в гости. Кроме эскорта, привел с собой двух молоденьких симпатичных индианок. Пришлось снова всех везти на корабль. В ходе чаепития выяснилось, что восхищенный могуществом пришельцев, у которых даже простые воины имеют железные топоры, пилы и лопаты, вождь предлагает вождям пришельцев заключить династический брак и сватает Круминьшу и Мещерскому двух своих дочерей пятнадцати и четырнадцати лет. Присутствовавший при этом Зильберман, сделал глубокий вывод, что вождь хочет еще ножей. Отказываться было глупо, да и вредно из соображений высокой дипломатии. Вожди пришельцев с благодарностью согласились, и поднесли папаше Петекотлю еще два ножа. Зильберман тут же заявил, что другие младшие вожди пришельцев, да и рядовые моряки тоже не прочь породниться с могущественным племенем, и готовы за каждого двух девушек отдаваться одним ножом. Петекотль взял паузу посоветоваться с шаманом.

Тогда Мещерский добил его, заявив, что каждый воин племени, который отработает сто дней на стройке, получит в подарок нож, конечно, не такой большой и красивый, как у вождя, но тоже хороший. Зильберман пошел еще дальше, предложив покупать за один нож трех больших свиней, или десять коз, или столько фруктов и овощей, сколько могут унести 30 воинов. Судя по всему, от безумной щедрости пришельцев у вождя помутилось в голове, поэтому он даже отказался от бокала вина и заторопился домой, советоваться с шаманом. Его дочери остались. У Мещерского и Круминьша сильно добавилось хлопот. Пока же девушек отправили к доктору на медосмотр.

На четвертый день отрыли и начали заполнять второй котлован, вырыли еще два котлована. Просеку расширили до 90 метров. Запустили вторую пилораму и начали обрезку досок. Из досок плотники собрали нефтеналивную баржу в форме прямоугольного ящика объемом 30 кубов, щели законопатили и просмолили. Ящик спустили на воду. На стройку пришли около полусотни воинов из племени. Их всех переписали и поставили на рытье траншеи и установку в неё столбов частокола. Столбы с верхнего конца заостряли, а нижний конец смолили. Они же таскали шестиметровые бревна внутрь периметра и складывали в штабеля. Женщины пригнали пятнадцать свиней и принесли 30 больших корзин с фруктами. Прием скотины и фруктов пришлось временно прекратить, в связи с отсутствием места для хранения. Договорились, что каждый день в лагерь будут приносить 15 корзин фруктов и трех свиней.

На пятый день с утра пришли почтенные отцы семейств и привели 28 девушек. Ушли довольные, получив 14 ножей. Девушек поселили в отдельном бараке, который пришлось срочно строить. Командовать ими приставили пожилого сорокалетнего сверхсрочника – старшину, помощника кока и переводчика Ягудина. Задействовали девушек на кухне, на хозяйботах и на уходе за скотиной. Ягудину, имевшему большие способности к языкам, поручили составить словарь индейцев, называвших себя араваками. Ягудину и старшине пришлось бдительно охранять девушек. Слишком много краснофлотцев захотели поближе познакомиться с симпатичными туземками. Отцам туземок сказали, что замуж девушек выдадут после завершения постройки крепости. Поскольку Мещерский весь день пропадал на берегу, свою «жену» он определил в общий девичий коллектив, сказав, что вместе жить они будут, после того, как

построят дом в крепости. Круминыш свою жену поселил у себя в каюте, заявив, что лично займется ее подготовкой к вступлению в ряды ВЛКСМ.

Баржу заполнили нефтью, отбуксировали к кораблю и начали перекачку нефти в танки. На воду спустили вторую баржу. Убедившись в миролюбии туземцев, в командировку к аравакам послали Зильбермана с двумя сотрудниками. Они должны были изучить быт араваков, практиковаться в их языке, а попутно разведать какие сельхоз культуры возделывают туземцы, и вообще, что с них еще можно получить. С корабля привезли первую ступень нефтеперегонной установки, установили ее на фундамент из камней, засыпали грунтом, заполнили нефтью и запустили процесс. На изготовление котла пришлось пустить броневые листы со второй тридцатимиллиметровки. В топке установки загудело пламя, из крана конденсора закапала легкая фракция нефтепродуктов, состоящая из смеси бензина и керосина. Ее предполагалось использовать для освещения и приготовления пищи. Вырубка расширялась, длина частокола достигла 400 метров. Жизнь определенно налаживалась.

На девятый день заработала вторая ступень нефтепереработки, дающая солярку. В остатке получился не перегнанный мазут. Поскольку постоянно гонять Марти на полном ходу необходимости в ближайшем будущем не просматривалось, можно будет поочередно остужать котлы и спокойно их чистить от нагара. Из кубометра нефти получалось 80 литров легкой фракции и 90 литров солярки для дизелей. За день удалось перегнать три куба. Для хранения полученных нефтепродуктов изготовили деревянные ящики по 10 кубов, законопатили щели, просмолили и закопали их в грунт. В этот же день нарисовались испанцы.

Сигнальщики заметили небольшой двухмачтовый парусник, идущий с севера. Оказавшийся в этот момент на борту Мещерский хотел было дать команду сниматься с якоря, благо в топливных танках уже плескалось 80 тонн нефти, но подумав, решил сначала посмотреть, что будут делать испанцы. Парусник, пройдя вдоль берега на расстоянии трех миль и заметив Марти, развернулся, и снова пошел вдоль берега во встречном направлении, но уже на расстоянии в две мили. Пройдя мимо, снова развернулся и пошел на третий галс, уже всего в миле от Марти. Видимо, испанцы никак не могли понять, что именно они видят. Ни на один современный корабль Марти не походил. Скорее, они могли принять его за стационарный форт, построенный на острове. Мякишев определил корабль как когг. В открытые пушечные порты с каждого борта выглядывали по 8 пушек. Однако, огня испанцы не открывали.

Мещерский решил сделать испанцам мелкую пакость и спровоцировать их, так же как в Нью-Йорке галеон дона Истебана. Когда парусник в третий раз оказался на траверсе Марти, сигнальщик замигал ратьером. Когг среагировал ожидаемо. Его борт окутался дымом, грохнул бортовой залп. Большой недолет. Мещерский приказал расчету сорокапятки сбить коггу мачту. Пятым выстрелом переднюю мачту переломили. Когг встал. Из-за высокого борта Марти выскочили два катера и двинулись к коггу. Для придания переговорам нужной направленности, рядом с парусником в воду положили два трехдюймовых фугаса. Рухнувшие на палубу водяные столбы, вкуче со стеганувшими по бортам осколками, резко охладили пыл испанцев.

С подошедшего на сотню метров разъездного катера с капитаном парусника вступил в переговоры Мякишев. Рабочий катер с сорокапяткой, зайдя с кормы когга, страховал переговоры. Переводил краснофлотец Подригин, москвич, окончивший языковую спецшколу с испанским уклоном, второй человек в экипаже, хорошо знавший испанский язык. В их школе училось много детей испанских коммунистов. Переговоры прошли успешно. Испанцам гарантировали жизнь. И освобождение после года работы на постройке крепости. На когге закрыли пушечные порты. Затем экипаж когга обрубил канаты упавшей мачты, принял буксирный трос, катер отбуксировал парусник к берегу. Испанцам предложили оставить оружие на борту когга и выходить на берег с поднятыми руками. На берегу цепью выстроились 15 бойцов с винтов-

ками. С флангов их страховали два ручных пулемета. Катера пристроились с носа и с кормы парусника, тоже страхуя высадку.

Мещерский переоценил сообразительность испанцев. В экипаже когга было 105 человек. Видимо, испанцы не приняли всерьез редкую цепь стрелков на берегу. Сталкиваться с автоматическим оружием им еще не приходилось. Тогдашние аркебузы перезаряжались по несколько минут. С парусника сначала грохнул ружейный залп, затем с борта в воду посыпались матросы с саблями в руках. Трое конвойников упали. Оставшиеся открыли ураганный огонь из автоматических винтовок. С флангов по бредущим по грудь в воде испанцам ударили ручные пулеметы. Максимумы с катеров перекрестным огнем врезали по палубе когга. Через минуту все было кончено. В воде плавали только трупы. Ярко голубая морская вода у берега покраснела. Над фальшбортом когга заколыхалась белая тряпка на шесте. Стрельба постепенно стихла. Мякишев в рупор приказал прекратить огонь, а испанцам снова приказал выходить с поднятыми руками. На этот раз сопротивления не было. На берег вышли 32 испанских моряка. На паруснике осталось 13 трупов и 11 раненых. Остальные плавали в воде в виде трупов. Все раненые захлебнулись. У нас погиб один боец, двое было ранено. Погибших похоронили. Испанцам разрешили провести похоронный обряд.

Оставшихся в живых испанцев под конвоем отправили на берег и определили на работы, строить частокол с правой стороны периметра. Раненым оказали помощь. Тяжело приобретенный опыт показал, что проявлять мягкость с испанцами не следует. Они принимают ее за слабость. Силу оружия им нужно демонстрировать сразу. С выжившим штурманом Мещерский решил побеседовать подробно. Тот рассказал, что гарнизон форта у Конкерабии составляет 30 человек. Форт обеспечивает снабжение проходящих кораблей провизией и водой. Ввиду своей малочисленности, гарнизон поддерживает с индейцами мирные отношения. Продукты вымениваются, а не отбираются. Постоянного корабля у форта нет. Корабли заходят в форт довольно редко, примерно раз в месяц. Когг зашел в Конкрабию пополнить запасы, и командир гарнизона попросил капитана проверить поступившие от индейцев сведения о появлении на южной оконечности острова каких-то чужаков, имеющих много железа и строящих крепость. С когга изъяли карты и судовой журнал. Штурмана подробно допросили обо всех населенных пунктах, обозначенных на карте. По словам испанца, на острове Бекия гарнизона не было, что было весьма приятно. Затем его отправили к остальным на работы. Судя по полученной от штурмана информации, какое-то время испанцев можно было не опасаться. В корабельной кассе оказалось пара кило серебра и 13 золотых монет. К сожалению, когг шел порожняком.

Погибшего красноармейца похоронили со всеми воинскими почестями. С построением всех отрядов, под барабанный бой и сигнал горниста. Круминьш сказал речь о необходимости усилить бдительность. Новый мир взял свою первую жертву.

Через два дня трое испанцев сбежали. Мещерский тут же известил Петекотля, пообещав один нож за возврат беглых живьем. Через день индейцы привели изрядно помятых, но живых, испанцев. Беглецов посадили на трое суток в карцер на диету из родниковой воды. Затем выпустили. Остальных предупредили, что в случае нового побега за каждого сбежавшего будет по жребию расстрелян один из оставшихся. Пролетарская мораль требует не церемониться с эксплуататорами. Больше побегов не было.

Дни шли. В механическом цехе до винтика разобрал паровой двигатель, снятый с катера, сделали детализовку и запустили изготовление серии из четырех двигателей. Попутно делали керосиновые плиты и в большом количестве керосиновые фонари. Первый отряд строил столовую и кухню, прачечную, уборную и баню, навесы над пилорамами, здание электростанции, амбары над котлованами с нефтью. Второй отряд построил пристань для катеров и возводил башни вдоль периметра. Частокол удлинялся, вырубка расширялась. В столярном цехе изготовили восемь крепких телег с оббитыми железом ободьями колес. Теперь там делали мебель. Телеги раздали по отрядам и приспособили для перевозки бревен.

От туземцев вернулся Зильберман. Рассказал руководству экспедиции, что туземцы возделывают батат, кукурузу, табак, фасоль, помидоры, подсолнечник. Из сока сахарного тростника варят брагу. Все это у них можно выменять. Петекотль благодаря полученным от нас ножам резко возвысился над соседними вождями. Он получает большой гешефт, втридорога перепродавая полученные ножи. За Зильберманом в лагере появился сам вождь с группой отцов семейств и девушек. К сожалению, большинство из них оказались совсем малолетками. Лет по 10 – 12. Пришлось разъяснить вождю и отцам, что девушки моложе 14 лет не принимаются. Наша коммунистическая вера не позволяет жениться на таких малолетках. Четырнадцатилетних девушек оказалось всего восемь. Петекотль и отцы семейств очень удивились и расстроились, но с уважением отнеслись к чужим предрассудкам. Зильберман пояснил, что ресурс взрослых девушек и воинов в небольшом племени Петекотля полностью исчерпан. Он уже прислал в лагерь всех своих воинов и девушек. Нужно выходить на контакт с другими вождями. Но, Петекотль бил себя в грудь и говорил, что эту проблему быстро решит. Ему пока поверили. Зильберман с Петекотлем вернулись в племя, унося четыре ножа за восьмерых девушек.

Через неделю первый паровой пятидесяти сильный двигатель, собранный в механическом цехе, заработал. Это была большая победа. Когда запустили второй двигатель, родной мотор вернули на катер. В крепости запустили новый электрогенератор, собранный из парового двигателя и электромотора от минного транспортера. Мещерский поставил задачу машиностроителям изготовить паровой двухсотсильный двигатель.

В лагерь снова пришел Петекотль с двумя другими вождями. Привели 46 девушек. Зильберман пояснил, что Петекотль возьмет с этих вождей 25% полученных ножей в качестве комиссии за протекцию. Мещерский посмеялся, но решил не мешать вождю делать коммерцию.

Используя запас черного пороха, обнаруженный на когге, механический цех изготовил три сотни ручных бомб с запалами из обрезков бикфордова шнура, имевшегося в хозяйстве минной БЧ. В качестве корпусов гранат использовали обрезки труб диаметром от дюйма до трех, имевшихся в ЗИПе на корабле. В каждую гранату заложили пол литра пороха. Для увеличения поражающей силы на поверхности труб сделали насечку в виде прямоугольной сетки со стороной 1 сантиметр. Испытания гранат показали, что в радиусе 6 метров вероятность поражения ростовой мишени приближалась к единице.

Валдис Леонардович, вместе с замполитом Лифшицем напряжено работали с трудами основоположников. С внедрением коммунизма в туземные племена особых проблем не предвиделось. Основоположники прямо указывали, что первобытно-общинный строй во многом походил на коммунизм. А вот внедрение коммунизма в феодальные государства вызывало большие вопросы. Совершенно не на кого было опереться. Класс феодалов был принципиальным врагом. Церковники – тоже. Мелкобуржуазные ремесленники – по сути контрреволюционный класс. Крестьяне тоже мелкие собственники, в лучшем случае могли быть попутчиками. Требовалось разработать тактику революции. Думали над государственным устройством будущей коммунистической республики.

Много времени занимало воспитание пятнадцатилетней супруги Аолиянь. Девушка уже знала сотню бытовых слов. Знала имена Ленин, Сталин. Знала термины коммунизм, партия, комсомол. Она, правда, думала, что все это относится к религии могущественных пришельцев. Сорокавосемилетний Валдис Леонардович уделял ей по два – три часа в день. Даже не ожидал от себя такой прыти. Нежная, ароматная, гладкая кожа. Острые упругие грудки. Круглая крепкая попа. И неожиданное умение, и взрывной темперамент. Невинной девушкой она отнюдь не была. В племени на эти вещи смотрели просто. Супруга Круминыша в двадцатом веке, соратница по партии Надежда Канделаки, не знала и десятой доли приемов, которыми виртуозно владела эта молоденькая чертовка. Валдис Леонардович занимался гимнастикой с

ней в постели по два часа кряду каждый день. Такой выносливости он не проявлял даже в молодые годы. Вставал, с трудом, выжатый как лимон.

Погиб еще один человек из экипажа. Зазевавшегося краснофлотца придавило падающим деревом. Похороны тоже были торжественными. Круминьш созвал по этому поводу партийное собрание. Зачитал сводки по выполненному отрядами объему работ. Оказывается, он через Ягодина обязал бойцов – конвойников, охранявших отряды, ежедневно давать сводки по выполненным работам. Круминьш ругал отстающих, взывал к сознательности коммунистов, грозился партийными взысканиями. Ругал командиров отрядов за плохую организацию и нарушения техники безопасности. Хвалил передовиков, ставил в пример, объявлял благодарности. Мещерский помалкивал. Он то, в отличие от Круминьша, каждый день с утра до вечера проводил в гуще событий, а потому знал, что отряды, показавшие меньшую выработку, просто напросто, попали на заболоченные участки местности. А так, отряды работали не щадя сил, все краснофлотцы и командиры понимали, что испанцы могут нагрязнуть в любой момент.

Кровавая схватка с экипажем когга показала, что битва будет жестокой. А вот то, что конвойники вместо бдительного наблюдения за джунглями считали спиленные деревья, капитану очень не понравилась. Хорошо еще, что с племенем Петекотля мир – дружба. Если что, индейцы предупредят. Спорить на собрании не стал. Гражданскому Круминьшу, все равно, ничего не объяснишь. А вот с Ягодиным после собрания поговорил жестко. Учет и контроль – это прекрасно. Но вот безопасностью работ жертвовать ради них абсолютно не допустимо. Ягодин вроде бы согласился.

6. Крепость Сталинград.

На 32-й день частокол замкнули. Оставили в ограде только одни ворота, выходящие на берег. По этому поводу провели торжественное построение экипажа с музыкой и подъемом флагов. В строю стояли дочерна загорелые краснофлотцы и красноармейцы в бескозырках и пилотках, тельняшках и коротких бриджах. От полной формы одежды давно отказались. Во влажной духоте тропиков носить ее было невозможно. На высоких флагштоках подняли красный флаг СССР и бело-голубой флаг РККФ. Перед этим на партсобрании выбирали название крепости. Большинством голосов крепость назвали «Сталинград». Как обычно, не обошлось без речи Круминьша. Призывал высоко нести знамя Ленина – Сталина, не посрамить чести большевиков, и внести свет учения Маркса – Энгельса во тьму средневековья. Завершили митинг пением Интернационала.

Все отряды перебросили с вырубki на строительство. Достраивали оборонительные башни по периметру. Кроме угловых, воздвигли еще 14 промежуточных стрелковых башен. Построили три бревенчатых жилых барака размером 6 на 60 метров, стоящих буквой П. В каждом бараке по 20 комнат, отделенных перегородками. Каждая комната размером 3 на 5 метров имела отдельный выход на общий двор. Баня, прачечная, умывальники, душевые, уборные – чуть в стороне. Крыши покрыли смолеными досками внахлест, а поверх досок уложили пальмовые ветви для защиты от солнца. По центру территории крепости воздвигли наблюдательную вышку высотой 15 метров. Одну из двух пилорам разобрали и отправили на корабль. Весь лес внутри ограды вырубili.

Все первоочередные работы закончили на 37-й день. Просеку довели до ширины 600 метров. Все тщательно обдумав, на обороне крепости решили не экономить. Значение её для экспедиции было слишком велико. На дальних угловых башнях, как и намечалось, установили две трехдюймовки. Пушки простреливали все пространство вокруг крепости, кроме береговой полосы за частоколом. Благодаря постепенно повышавшейся к Смолянскому озеру местности, орудия простреливали и всю прилегающую к крепости акваторию. На ближних к берегу угловых башнях, сверх первоначального плана, установили по одному прикрытому бронещитами станковому пулемету на тумбовых установках. Приказом определили состав гарнизона. В него

вошли 18 краснофлотцев пулеметных и артиллерийских расчетов, 18 красноармейцев с автоматическими винтовками и двумя ручными пулеметами, и 13 краснофлотцев, работающих на нефтедобыче, на электростанциях и на строительстве.

По боевому расписанию, составленному Сокольским и Ягодиным, в случае нападения, на каждой башне оборонялись два бойца с автоматической винтовкой и двадцатью гранатами. С башен перекрестным огнем накрывалась вся окружающая местность. Все ямы в округе, могущие стать укрытиями для атакующего противника, были засыпаны. Мертвые зоны под стенами башен накрывалась гранатами. Расчеты двух ручных пулеметов составили мобильный резерв. Все бойцы гарнизона получили личное холодное оружие в виде трофейной сабли и ножа. Двум краснофлотцам, призванным из бывшей области Войска Донского и умеющим обращаться с саблями, поручили обучение гарнизона владению холодным оружием. На четырех угловых и двух промежуточных башнях длинной стороны крепости установили постоянные парные сторожевые караулы. Смена караульных – через четыре часа. В ста метрах перед частоколом через каждые 50 метров установили трехметровые столбы с керосиновыми фонарями, зажигаемыми в ночное время. Внутреннюю территорию крепости ночью тоже освещали фонарями.

Командовать конвойниками оставили лейтенанта НКВД Спиридонова, артпульвзводом – лейтенанта Гумрака, рабочую команду поручили лейтенанту электромеханической БЧ Врубелю. Командиром крепости назначили начальника службы химзащиты старлея Прокошина. Химического нападения в этом мире ожидать не приходилось, поэтому служба оказалась лишней. Замполитом утвердили заведующего Красным кубриком мамлея Курочкина. Всего в крепости оставалось 54 человека. Отбор в гарнизон был очень жестким. Остаться очень хотели все. По распоряжению командования, каждому остающемуся в крепости выделялась жена – туземка. Чтобы не было конфликтов, девушек распределяли по жребию. Браки регистрировали в вахтенном журнале корабля за подписью командира. Каждой молодой семье выделили отдельную комнату. В комнате были: двуспальная кровать, шкаф, стол, и два стула. Руководство экспедиции озаботилось пополнением будущей коммунистической республики кадрами. Опять же, с женами под боком служба бойцам и морякам будет в охотку.

Одну свободную комнату выделили под штаб крепости. Другую – под Красный кубрик. Третью – под небольшую библиотеку художественной литературы. Четвертую под радиорубку и радиоузел. Гарнизону оставили стопку пластинок и патефон. По указанию Мещерского, радисты разобрали все радиовещательные приемники на корабле и собрали из полученных радиодеталей коротковолновую радиостанцию для крепости. Антенну вывели на наблюдательную вышку. По расчетам, связь с островом Бекия должна быть надежной. Собрали и усилитель низкой частоты для трансляции по лагерю музыки и объявлений.

Помимо нефтеперегонки, рабочая команда получила задания:

- 1) Накрыть навесами боевые площадки всех башен.
- 2) Построить плотину и водяную электростанцию на близлежащем ручье.
- 3) Построить амбары для хранения закупаемых у туземцев продуктов.
- 4) Освоить выжигание древесного угля и создать его запас.
- 5) С помощью аборигенов наладить добычу болотного железа.

Впрочем, поскольку в караулы назначались все без исключения, к работам тоже привлекались поочередно все, в том числе и конвойники, и артиллеристы. Так что, различие между краснофлотцами и бойцами НКВД становилось условным. Всех краснофлотцев обучили пользоваться автоматическими винтовками. Несмотря на дефицит патронов, провели боевые стрельбы.

Туземные воины продолжали расширять вырубку вокруг крепости. Петекотлю поставили задачу расширить ширину вырубки до одного километра. Туземцы очень хотели получить свои ножи и работали на совесть. Бревна на телегах отвозили в крепость. Крупные сучья и вершины заготавливали на топливо для нефтеперегонных кубов. Мелкие сучья сжигали на месте. Пете-

котля предупредили, что в случае нападения материковых дикарей, все племя, вместе со скотиной, должно укрыться в крепости. Катер гарнизону не оставили, поскольку удобной закрытой бухты около крепости не было. Для рыболовного промысла оставили шлюпку, которую, в случае чего, можно было затащить в крепость.

Топливные танки Марти заполнили нефтью. Емкости для дизтоплива тоже залили под завязку. В кубриках оставшейся в Сталинграде команды разместили 28 девушек. Свою Аймуль Мещерский поселил в себе в каюту. Обижать девушку невниманием ему совсем не хотелось. Она очень завидовала сестре. Моряки, воодушевленные примером женатых товарищей, оставшихся в Сталинграде, сильно надеялись на скорое изменение своего семейного положения.

У туземцев закупили в большом количестве батат, кукурузу, табак, фасоль, помидоры, подсолнечник. Все это погрузили на когг. Туда же разместили свиней, коз, кур. Было неизвестно, есть ли туземное поселение на острове Бекия. Испанец – штурман этого не знал. Петекотль не знал, тем более. Пленных испанцев тоже перевезли на бриг и заперли в трюме. Из 11 раненых трое умерло, остальные выздоравливали. Всего испанцев осталось 41 человек. На когге разместили конвойную и швартовую команду из 8 человек. Порох, ядра, пушки, холодное оружие с парусника перевезли на Марти. На утро 26-го июля назначили отплытие.

7. Остров Бекия.

После побудки Марти выбрал якорь и двинулся в открытое море, ведя когг на буксире. Держали экономичный ход 6 узлов. Погода была по-прежнему хорошей. Вскоре встретили небольшой трехмачтовый парусник. Очевидно, испанцы послали на разведку еще один корабль, пришедший к форту. Имея на буксире когг, играть в игры с испанцем было нецелесообразно. Вызванный на мостик Мякишев определил корабль как малую каравеллу, водоизмещением примерно 150 тонн. Как раз на таких Колумб и открыл Америку.

Сблизившись с ним до шести кабельтов, по отработанной методике сбили ему мачту, положили у бортов несколько фугасов. Легли в дрейф, спустили катер. Чтобы сразу лишиться испанцев иллюзий, обстреляли осколочными снарядами из сорокапятки палубу и высокий ют испанца. Подошедшие катера добавили из пулеметов. Каравелла выкинула белый флаг. От испанцев потребовали закрыть пушечные порты, спустить шлюпку и подать буксирный конец на катер. Затем отбуксировали каравеллу к коггу и передали канат на когг. Десант на парусник не высаживали. Во избежание неожиданностей. Привязав каравеллу к коггу, снова дали ход 6 узлов. Вся история заняла три часа. Поведение испанцев постоянно контролировали сорокапяткой. Ночью каравеллу и когг вели прожекторами. Впрочем, впечатленные скорострельностью и меткостью пушек, быстротой хода без парусов и ярким светом прожекторов ночью, испанцы не выкобенивались. Судовая радиостанция постоянно поддерживала связь с крепостью. Следующим утром Марти уже входил в бухту острова Бекия. Переход прошел без приключений.

Мещерский давно и тщательно изучил остров на всех имеющихся картах. Остров имел форму треугольника с длинной стороной, равной 13 км и высотой вершины, противоположной длинной стороне, равной 4 км. Короткие стороны имели длину 7 и 8 км. В длинной стороне треугольника, напротив вершины, как будто, кто-то выгрыз кусок в форме косоугольного параллелепипеда размером 4 км на 4 км. Однако, большая часть образовавшейся бухты была занята мелководьями. Судовой ход в бухту подходил с запада. Глубоководная часть бухты имела размеры примерно 500 метров на 800 метров, причем глубина начиналась сразу от берега. Глубокая часть бухты была защищена от ветров берегами и отмелями со всех сторон, кроме западной. Впрочем, угловая ширина доступного ветрам и волнам сектора не превышала 15 градусов.

От противоположной вершины треугольника, лежащей на востоке, этот кто-то тоже отгрыз большой кусок, образовав бухту круглой формы диаметром почти 600 метров. Ветрам доступ в бухту был открыт только с севера в секторе примерно 20 градусов. В бухтах острова

могло разместиться, кроме самого Марти, еще пара десятков парусников. По информации Брокгауза, в этих бухтах в 19 и 20 веках располагались базы китобоев. Южнее острова располагалось несколько совсем маленьких островков – просто скалы, торчащих из моря.

Войдя в большую бухту, Марти встал на якорь и спустил оба катера. Катера взяли на буксир парусники и приткнули их к берегу. Благо, был прилив. На баркасах перебросили на берег конвойников. Бойцы организовали оцепление по берегу вокруг каравеллы. Катера заняли позиции на флангах. Испанцы прятались в трюме и на палубу предусмотрительно не вылезали. Повторять прошлую ошибку с коггом никто не собирался. По паруснику стеганул пулемет с катера. Затем, по приказу командовавшего оцеплением Ягодина, два бойца из оцепления по очереди короткими очередями разрядили винтовки в борт парусника. Каждый опустошил обойму на 15 патронов. Наверняка, наблюдавшие за происходящим через пробойны в корпусе, испанцы должны были сделать правильные выводы. Бронебойные трехлинейные пули проходят в обычном грунте полтора метра. Деревянные борта парусника они должны были легко прошивать навывлет. Мгновенно и часто появившиеся в бортах парусника аккуратные сквозные дырочки, через которые пробивался свет солнечного дня, должны были полностью исключить неправильные мысли у испанцев. Вполне возможно, что пули кого-нибудь зацепили. Криков раненых через толстые доски бортов и палуб все равно не было слышно.

Затем Ягодин через рупор предложил экипажу каравеллы с поднятыми руками и без оружия выходить на берег, обещая жизнь и хорошее питание. Испанцы на этот раз все поняли правильно. Вылезли из трюма, попрыгали за порт и побрели на берег. Их оказалось 38 человек. Один из них, назвавшийся главным бомбардиром, сообщил, что в трюме остались раненые и попросил оказать им помощь. По его словам, кроме него из командного состава никто не уцелел.

Конвой отогнал пленных в сторону от каравеллы. Шлюпки и баркасы перевозили с Марти на берег рабочие отряды. Перевезли разобранные телеги и инструмент. Катер высадил на каравеллу досмотровую партию. На борту обнаружилось 16 раненых и 37 трупов. Раненых перенесли на берег и вручили корабельным докторам. Крепость решили строить прямо на берегу бухты. На первый случай – небольшого размера: 600 на 200 метров. Три отряда приступили к рубке леса. С когга выгрузили «старых» испанцев, присоединили к ним новых, и отправили под конвоем копать траншею под частокол. Марти снялся с якоря и самым малым ходом двинулся вокруг острова. Штурмана занялись топосъемкой берега и визированием высот. Требовалось проверить точность карт и уточнить точки размещения артиллерии. За четыреста лет что-то могло измениться. Попутно промеряли глубины. В малой бухте заметили поселение аборигенов и лодки на берегу.

До конца дня Марти вернулся в бухту. Просеку под частокол шириной 30 метров уже вырубил и поставил первые 100 метров частокола. Мещерский допросил бомбардира с каравеллы. Тот рассказал, что провести разведку их капитана попросил комендант форта. Каравелла имела на борту 12 пушек, запас пороха и ядер. Груз – цемент, гвозди и подковы. Направлялись из Санто-Доминго в Куману. Назначил бомбардира главным над остатками экипажа каравеллы. Предупредил, что бежать с острова некуда. Пообещал после года работы отпустить всех на все четыре стороны. Взял для изучения бортовой журнал, изъясил корабельную кассу. В кассе оказалось килограммов пять серебряных монет. Зато груз был очень полезным. Особенно цемент. Повторил бомбардиру старую легенду о прибытии с Камчатки.

На следующий день в лагерь заявился туземный вождь со свитой. Сначала долго приглядывался с ближайшего холма. Караульные их вовремя засекли, но, проинструктированные Мещерским, сделали вид, что не замечают. Вождя приняли со всем почетом. Отвезли на корабль. Угостили чаем с булочками. В высокой беседе вместе с Круминьшем и Мещерским принимали участие Аолиянь и Аймуяль, представленные как супруги вождей пришельцев. Язык племени очень походил на язык араваков с Тринидада. Вождь Калиматепель рассказал,

что в племени около трехсот душ. Живут земледелием и рыбалкой, разводят коз и свиней. Выяснилось, что опыт взаимодействия с испанцами у племени имелся, причем негативный.

За последние годы к острову неоднократно приставали корабли, брали воду, выменивали продукты. Вождь с гордостью продемонстрировал разноцветные стеклянные бусы и серьги. Но, три года назад после бури к берегу пристал поврежденный корабль. Экипаж долго занимался ремонтом. А затем испанцы ворвались в деревню и увели два десятка женщин. Мужчины племени напали на испанцев, но девушек отбить не смогли, потеряли восьмерых воинов, и отступили, испугавшись грома ружей. Поэтому, вождь долго приглядывался, и подошел только тогда, когда увидел испанцев, работающих под конвоем.

Вождю подарили нож, обещали защиту от испанцев. Сторговали землю на берегу бухты за два ножа. Рассказали о выгодах, полученных племенем Петекотля. Девушки все подтверждали. Они весело лопотали с вождем, хвастались новыми белыми матросками, синими юбками и туфлями. В экипаже Марти обнаружили и сапожник и пара портных. Практически все гражданские специальности краснофлотцев оказались востребованы. Вождь воодушевился, обещал подумать насчет девушек, согласился поставлять фрукты, овощи, рыбу, мясо, батат. Обещал прислать 50 воинов на работы. На сем и расстались.

Пока не будут установлены береговые пушки, требовалось обеспечить охрану острова с моря. Мещерский принял решение восстановить каравеллу. Два оставшихся пятидесятичных двигателя, изготовленных в мехцехе, могли обеспечить каравелле не менее 6 узлов хода. А при попутном ветре и до 14 узлов. Установив на нее сорокапятку, можно было получить великолепный, по нынешнему времени, сторожевик. Обсудив идею со стармехом, поручил ему разработку проекта, а реализацию – Болотникову, уже прочно взявшему на себя обязанности директора ремзавода. Для ремонта и переоборудования каравеллы решили использовать корабельных плотников и квалифицированных моряков из числа пленных. Все равно в команду каравеллы придется привлекать испанцев. Укомплектовать экипаж своими кадрами никакой возможности не было. Да и опыта работы с парусами не имел никто. Яхты и баркасы в счет не шли.

Посоветовавшись с Круминышем, решили поручить командование каравеллой каперангу Железнову, который, единственный из состава экспедиции, так и не пристал ни к какому делу. Про себя Мещерский подумал: если не справится с каравеллой, задвинем его в завхозы. Ему же поручил подготовить предложения по комплектованию экипажа.

На следующий день туземцы принесли провизию и пригнали скот. Получили ножи, как и договаривались. Через два дня появился вождь с отцами семейств. Привели 26 девушек. Двоих вождь привел от себя лично и предложил в жены Круминышу и Мещерскому. Как ни соблазнительно, но пришлось отказаться, сказав, что религия не позволяет брать двух жен. Зато, быстро вызвали в кают-компанию Болотникова и Звягинцева и тут же их сосватали. Вождь согласился. Приняли всех девушек, кроме четырех явных малолеток. Вождь пытался жульничать и набавлял девушкам возраст. Получив 11 ножей, Калиматепель обрадовался и поинтересовался, не примут ли уважаемые камчатцы вдов, оставшихся после битвы с испанцами. Да и других, тоже. Воины иногда тонули на рыбалке. Мещерский согласился посмотреть вдов, но ничего не обещал. На следующий день вождь привел 57 воинов на работы и 19 душ вдов. Осмотрев вдов с доктором, отобрали 14 дам помоложе. Встал вопрос о малолетних детях этих вдов. Мещерский уперся. Возиться с малолетками было совершенно некогда. Сошлись на том, что дети останутся в племени у родственников, но матери смогут их посещать, благо до селения от крепости было всего 4 километра.

Зато, Мещерскому пришла в голову светлая мысль. Брать малолеток – в данный момент не целесообразно. А что если набрать мальчиков – подростков лет 12 – 14, еще не посвященных в воины? Их уже можно будет использовать на легких работах, параллельно можно будет выучить их русскому языку, грамоте, арифметике в объеме начальной школы, а потом обучить

рабочим специальностям. Всего лишь через два – три года это уже готовые подмастерья. А если надо, то и бойцы. И почему только мальчишки? Девушки подростки тоже пригодятся, в тех же целях. Вскоре придется разворачивать и ткацкое и швейное производства, да и будущие жены мальчишкам – подросткам подрастут уже знающими русский язык и квалифицированными.

Идею Мещерский тут же озвучил. Предложил вождю прислать детей 12 – 14 лет для использования на легких работах, пообещав после года работы за каждого двух подростков отдать один нож. Вождь сначала не поверил своему счастью, потом быстро согласился.

Из пятидесяти сильного парового двигателя и двух электромоторов собрали электростанцию и наладили ночное освещение стройплощадки.

За неделю поставили частокол, построили 4 угловые стрелковые башни. Установили электростанцию, наладили освещение. Начали вырубку леса вокруг крепости. Решили ограничиться расчисткой на 200 метров. Построили пилораму и начали разделку бревен на доски. Закончили рекогносцировку местности и выбрали точки для размещения орудий. На господствующей высоте севернее большой бухты и на высоте севернее малой бухты, решили установить стотридцатки. На возвышенных мысах северной и южной оконечностей острова разместить трехдюймовки. Эти четыре орудия будут накрывать перекрестным огнем все подходы к острову.

Моторная каравелла, названная «Авророй» успешно прошла ходовые испытания, показав под двумя моторами скорость 7 узлов. На кораблике заделали все пробоины, отремонтировали мачту и такелаж, разделили трюм водонепроницаемыми переборками на три отсека. Два паровых двигателя с гребными винтами на валах, установленные в кормовом отсеке, должны были, помимо всего прочего, обеспечить каравелле великолепную маневренность. Винты, валы, дейдвудные трубы и сальники скопировали с установленных на катерах. Топливный танк, сваренный из листового железа, разместили в носовом отсеке. Пушку установили на тумбе между грот и бизань мачтами.

Командир Железнов укомплектовал экипаж. Взял из экипажа Марти двоих артиллеристов с мамлеем Санниковым, троих мотористов с главстаршиной Паниным, штурмана лейтенанта Поломошнова, двоих сигнальщиков и двух бойцов с винтовками. Больше из экипажа ему не дали никого. Для работы с парусами с каравеллы взяли 12 матросов и боцмана с когга. На подсобные работы и для обучения на палубных матросов взяли 14 туземных воинов. Испанцам оружия не доверили. Туземцам дали ножи. Матросам с Марти – ножи и сабли. У командиров были штатные пистолеты, сабли и ножи. Такой расклад вооружения должен был исключить любые неожиданности со стороны испанцев.

Аврора встала на круглосуточную вахту вокруг острова. Старались ходить под парусами, для тренировки экипажа. В присутствии Мещерского провели стрельбы по береговой и по плавающей мишени. Результат был не очень. Все же каравелла – слишком неустойчивая платформа для орудия. Мещерский поставил задачу: научиться поражать цель размером с каравеллу на дистанции в одну милю. Выделил под это дело 25 снарядов и вызвал на борт начарта. Сокольский сказал, что все дело просто в навыке. Стреляли же из сорокапятки в русско-японскую войну с миноносцев, водоизмещением как раз в сто тонн. И попадали! Главное – не угодить в свой собственный такелаж. А канаты на паруснике натянуты часто. В конце концов, расчет пушки приноровился. Нужно было выбирать моменты, когда каравелла стояла на ровном киле. И в эти моменты мгновенно прицеливаться и стрелять. На третьем десятке снарядов стало получаться. Мещерский разрешил отстрелять еще десяток и на этом закончить. В конце концов, одиночный парусник Аврора утопит, а в эскадренном бою ей не участвовать. От любой эскадры она легко уйдет. Для серьезного боя есть Марти.

Первый и второй отряды были полностью задействованы на производстве. 9-го августа ремзавод наконец выдал двухсотсильный паровой двигатель. Его использовали, подключив к валу 4 электродвигателя, как береговую электростанцию, а попутно для наработки на отказ.

Двигатель многократно ломался, его разбирали и ремонтировали. Затем ремзавод выдал еще две пиларымы. Досок требовалось много.

Острейшей проблемой стала нехватка листового железа. Металл в виде трофейных пушек в наличии имелся, но для изготовления листов не было оборудования. В механическом цехе запустили изготовление прокатного стана. Малокалиберную трофейную пушку раскалили до красна в электропечи, затем разогрели до расплава другую пушку и залили жидкое железо в жерло первой. После остывания получили заготовку для валка. Так изготовили шесть заготовок. Обработали на токарном станке и получил вал прокатного стана длиной 130 сантиметров и диаметром 20 сантиметров. Станины изготовили из частей минных транспортеров. Валы насадили на оси, попарно установили на станины с регулируемыми зазорами и подключили через редукторы тяговые электромоторы. Залили бетонные фундаменты. Вся работа заняла две недели. Очередную трофейную пушку разогрели, отковали прессом в плоские бруски, снова разогрели и запустили в трехступенчатый прокатный стан. Процесс пошел. Перестраивая зазоры валков, за пару десятков прогонов раскатали брусок в лист двухмиллиметровой толщины. Отработанную технологию поставили на поток.

Попутно запустили новую серию из четырех уже отработанных в производстве пятидесяти тысячных моторов. Болотников напомнил руководству, что завод то был авторемонтным. То есть, на его оборудовании можно было изготовить любую деталь грузовика, кроме двигателя. Имелся и комплект чертежей деталей грузовика ГАЗ-АА. Директор завода предложил изготовить все необходимые детали, из них собрать пару упрощенных грузовиков типа ГАЗ-АА и установить на них пятидесяти тысячные паровые двигатели. Грузовики очень помогут транспортировать пушки на позиции и ускорят переброску любых грузов и людей по острову. Круминьш и Мещерский согласились.

Один отряд перебросили с рубки леса на строительство блока зданий, аналогичного построенному в Сталинграде, но рассчитанному на 160 семей. Вся территорию крепости разделили на три блока размером 200 на 200 метров. Два блока запланировали сделать жилыми, а на третий перенести с Марти всё производство. Два отряда рубили просеки пятиметровой ширины ко всем артиллерийским позициям. Туземный отряд выравнивал и трамбовал на просеках грунт, превращая их в некое подобие дорог. Пленные испанцы расширяли вырубку вокруг крепости.

10-го августа к форту на Тринидаде подошел галеон с грузом серебра. Командир форта попросил капитана галеона разведать крепость пришельцев, о которой индейцы рассказывали всякие небылицы. Но, не скрыл, что, отправившиеся ранее на разведку когг и каравелла не вернулись. Капитан галеона не захотел подвергать опасности ценный груз, но обещал донести сообщение до губернатора. 13-го числа секретарь доложил губернатору сообщение о появлении на Тринидаде таинственных пришельцев и пропаже двух кораблей, направленных на разведку к крепости пришельцев. И напомнил донесение дона Эрнандо о таинственном железном корабле, встреченном у берегов Северной Америки. Губернатор граф Кастанеда Хуан Карлос сложил в уме эти два события и понял, что у него появилась серьезная проблема. Похоже, железный корабль из далекой Камчатки прибыл к берегам Вест-Индии не на разведку, а со значительно более серьезными намерениями. Через четыре дня небольшая эскадра из фрегата, когга и каравеллы вышла из Сан-Хуана и направилась к Тринидаду.

Круминьш наконец закончил разработку марксистской теории, применительно к новым условиям, и отправился в племя аборигенов воплощать теорию в жизнь. С собой взял Аолиянь, сотрудника торгпредства Дружкова, уже освоившего язык аборигенов и двух бойцов – конвойников с винтовками для безопасности. Вождь Калиматепель принял высокого гостя со всевозможным почетом. Был барабанный бой, танцы воинов и женщин у костра и пышный

банкет. Гостям выделили отдельное жильё. Калиматепель без долгих размышлений согласился идти под руку Великого белого вождя. Попросил только разрешения туземцам посещать крепость ночью. Оказалось, из всех чудес, привнесенных в его мир пришельцами, самое большое впечатление на аборигенов произвел яркий ночной свет электроламп. Всё племя очень хотело посмотреть это чудо поближе, но опасалось разгневать пришельцев. Круминыш разъяснил, что приняв подданство Великого вождя, араваки имеют право посещать лагерь в любое время, в том числе ночью. Обещал, что, вскоре, все воины племени будут иметь не только железные ножи, но и железные топоры, лопаты и яркие ночные лампы. Для этого нужно только беспрекословно слушаться Великого вождя и старательно работать по его указаниям.

Калиматепель всё клятвенно обещал. Далее Круминыш заявил, что религию и шаманов в коммунистической республике не признают, а слушаются только комиссаров, толкующих Великое Учение коммунизма, и чтут его пророков Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Калиматепель выразил полную готовность изучать Великое Учение. Круминыш пообещал прислать в племя комиссара, который будет учить все племя Великому Учению. Но предупредил, что комиссар не потерпит наличия в племени шамана. Вождь тут же пообещал изгнать шамана. Однако, Великий вождь не хотел начинать внедрение коммунизма в племя с конфликта, и предложил назначить бывшего шамана помощником комиссара. А потом, когда бывший шаман изучит Учение, его произведут в младшие комиссары. Калиматепель на все согласился. За железные топоры он бы еще и не на такие жертвы пошел. Далее, Великий вождь разъяснил, что те араваки, кто хорошо изучит Учение, будут посвящены в комсомольцы – это младшие помощники комиссаров. А те комсомольцы, которые проявят особое усердие на службе Учению, будут посвящены в члены партии – старшие помощники комиссаров. А потом, за особые заслуги, и в комиссары!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.